

ДАНИЭЛА СТИЛ

Запретная любовь

Даниэла Стил

Запретная любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137830

Даниэла Стил. Запретная любовь: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-42970-7

Оригинал: DanielleSteel, "Irresistible Forces"

Перевод:

Наталья Л. Холмогорова

Аннотация

Как рождается любовь и куда уходит? Правда ли, что над истинной любовью не властны ни время, ни расстояние? Способны ли самые крепкие семейные узы выдержать испытание разлукой? У Стива и Мередит не было причин задуматься над этими вопросами – ведь их любовь проверена временем. Но неожиданно сама жизнь ставит перед ними эти вопросы. И оказывается, что не так-то просто найти верные ответы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Даниэла Стил

Запретная любовь

Глава 1

Жаркий летний день расплавил Нью-Йорк. Задолго до полудня перевалило за тридцатиградусную отметку. На асфальте, как говорится, можно было яйца печь.

В такую жару всем тяжело, но хуже всех – обитателям Гарлема. Ни кондиционеров, ни мало-мальски приличной вентиляции в домах. Зимой трущобные жители страдают от холода, летом – от невыносимой жары и духоты. Одно для них спасение – бежать из раскаленных квартир на воздух, где нет-нет да и подует ветерок.

Похоже, весь квартал высыпал сегодня на улицу: повсюду слышится смех и детский визг, ребятня высыпала на тротуары, а взрослые чинно восседали на вынесенных из дома складных стульях или прятались от солнца в жидкой тени полотняных тентов.

На углу 125-й улицы и Второй авеню по случаю жары были открыты оба пожарных крана: потоки мчались по пыльному асфальту, и в сточной канаве бурлил ручей по колено глубиной. Детвора, обожающая фонтаны, радостно плескалась под струями холодной воды. К четырем часам у гидранта собралась внушительная толпа.

В четыре часа десять минут в шум голосов, смех и плеск воды внезапно ворвался новый звук, хорошо знакомый здешним жителям. Сухой треск выстрелов.

На мгновение повисла тишина; затем толпа пришла в движение. Кто рванул к дверям, кто вжался в стену; несколько женщин бросились к гидранту, схватили в охапку своих детей и побежали с ними к подъезду, под ненадежную защиту хлипких стен.

Воздух снова взорвался выстрелами, на этот раз они прозвучали где-то рядом. Трое рослых парней в кожаных куртках, вынырнув из-за угла, врезались в толпу. Они бежали сломя голову, не разбирая дороги, расталкивая женщин и детей; один из них оттолкнул молодую девушку с такой силой, что та упала на гидрант, громко вскрикнув от боли. Следом появились двое полицейских с револьверами в руках; они гнались за преступниками по пятам.

Все произошло за несколько секунд, люди не успели уйти с дороги. Снова треск выстрелов. Один бандит с криком схватился за плечо, и тут же его товарищ, обернувшись, выстрелил полицейскому в голову. Тот рухнул, нелепо взмахнув руками. Люди бросились врассыпную. В какофонии воплей и выстрелов ворвался новый звук – далекий вой полицейских сирен.

В суматохе никто не заметил, как маленькая темнокожая девочка у фонтана, вскрикнув, упала на асфальт, и белое платье ее окрасилось алым.

Никто, кроме ее матери.

Мгновение спустя погоня была окончена. Двое бандитов лежали ничком, вокруг третьего сустились санитары «Скорой помощи». Полицейские обыскивали арестованных. Один офицер присел на корточки перед подстреленным товарищем; хмурое лицо его исказилось, словно от зубной боли. А рядом, всего в нескольких футах, умирала маленькая девочка. Пуля пробила ей грудь навывлет, и кровь хлестала из раны, смешиваясь со струей из гидранта и окрашивая воду в розовый цвет.

К девочке подбежала мать, рухнула на колени, схватила дочь и прижала к себе. Струя воды била ей в грудь, но женщина этого не замечала. Когда подошли санитары, она отшатнулась, глядя на них непонимающими глазами, и им пришлось силой брать ребенка из материнских рук.

Девочку занесли в машину «Скорой помощи», туда же усадили и мать. Женщина растерянно озиралась кругом; казалось, она не понимает, где она и что с ней.

На углу 125-й улицы было тесно – ни проехать, ни пройти. Сверкали мигалки, закладывало уши от пронзительного воя сирен. На тротуарах столпились зеваки. Две «Скорые» – одна с девочкой, вторая с раненым бандитом – снизили скорость и двигались медленно, искусно лавируя между бело-голубыми полицейскими автомобилями.

Из ближайшей машины доносились радиопереговоры: «Что?.. Да, убит. Выстрелом в голову». Люди на тротуаре переглядывались, качая головами. Убийство полицейского – не шутка. Теперь копы начнут прочесывать весь квартал. Не миновать обысков, арестов... Возможно, прольется новая кровь. Очень возможно. В Гарлеме все может случиться.

А «Скорая» уже мчалась по улицам города. Врачи хлопотали над девочкой: дали ей кислородную маску, в руку ввели иглу внутривенного питания. Но, похоже, все их усилия были тщетны. Темное личико малышки посерело, воздух со свистом вырывался из простреленной груди. А сколько крови! На полу, на бледно-зеленой форме санитаров, на руках и на платье у матери...

– Она... выживет? – нарушила тревожное молчание мать девочки.

Генриетта Вашингтон подняла на врача полные слез глаза. Доктор отвел взгляд.

– Мы делаем все, что в наших силах, мэм.

Генриетта как две капли воды походила на сотни и тысячи своих сестер по несчастью, именуемому нищетой. Безработная из Гарлема. Девочка, ставшая матерью в шестнадцать лет. Одна из тех, кому жизнь не дарит ничего, кроме обманчивых посулов.

Сколько раз казалось, что ей улыбнулась судьба! Сколько раз Генриетта верила, что уж теперь-то все будет хорошо! И всякий раз оставалась у разбитого корыта и с новым младенцем на руках. Таким, как она, противозачаточные средства не по карману; вот почему к двадцати двум годам у нее было уже пятеро малышей.

Но Генриетта еще надеялась. Надеялась на лучшее – если не для себя, то хотя бы для детей. Надеялась на приличную работу; мечтала однажды встретить хорошего человека, который полюбит ее и будет заботиться о ней и детишках... Но сама понимала, что на это надежды мало. Хорошие люди обходят Гарлем стороной.

Правда, у Генриетты есть приятель, но он сам уж полгода как без работы, а на шее у него трое младших братьев и сестер. Как и Генриетта, он бросил школу в пятнадцать лет; как и Генриетта, живет на пособие или перебивается случайными заработками. Он все чаще приходит на свидания пьяным, и Генриетта его не осуждает. Оба они живут в преддверии ада, и дети их обречены еще до рождения.

«Скорая помощь», визжа тормозами, остановилась у больничного крыльца. Санитары уложили Динеллу на каталку и вывезли наружу. Она еще дышала, но еле-еле.

В холле каталку окружили медсестры и сразу повезли в хирургическое отделение. Генриетта, утирая слезы, бежала за ними. Каталку вкатили в открытые двери. Женщина в нерешительности остановилась.

Подошедший мужчина в халате сунул ей ручку и какую-то бумагу. Генриетта отпрянула.

– Что это? – испуганно спросила Генриетта.

– Нужна срочная операция! Подписывайте скорее!

Едва ли понимая, что делает, Генриетта подписала согласие на операцию. Секунду спустя около нее уже никого не было. Грохочущие каталки с больными, озабоченные врачи – все заняты своими делами, и никому нет дела до Генриетты и ее горя.

Женщина снова начала всхлипывать. Сестра в больничной униформе обняла ее за плечи и увела в закуток, где стояло несколько кресел.

– Дорогая моя, врачи делают для вашей дочери все, что могут...

Голос сестры звучал мягко, успокаивающе, но сердце было полно тревоги. Она слышала слова врача: «Девочка в критическом состоянии... Шансов практически нет». Сестра не первый год работала в больнице, но есть вещи, к которым привыкнуть трудно... может быть, и невозможно.

– Что с ней сейчас делают?

– Думаю, останавливают кровь. Бедняжка потеряла много крови...

– Он в нее выстрелил... выстрелил прямо в мою дочку...

Остальные слова потонули в рыданиях.

Генриетта не знала, чья пуля попала в Динеллу – бандита или полицейского. Да и какая разница? Если Динелла умрет, не все ли равно, герой или злодей станет ее убийцей?

По внутренней связи в операционную вызвали Стивена Уитмена. Доктор Уитмен – один из лучших хирургов в городе, с энтузиазмом сообщила медсестра Генриетте.

– Если кто-то и может спасти вашу дочку, то только он, – авторитетно заявила она, взяв несчастную мать за обе руки. – Он – лучший в своем деле. Повезло вам, что он сейчас в больнице!

Генриетта согласно кивала головой. Хотя она слабо представляла себе, что такое везение.

Вашингтонам никогда не везло. Отец Генриетты погиб в уличной перестрелке, похожей на сегодняшнюю. Вдова его с целым выводком детей осталась без гроша. Она переехала в Нью-Йорк, надеясь найти там работу, – напрасно надеялась. В Нью-Йорке семья не нашла ничего нового: та же нищета, те же опасности, подстерегающие на каждом шагу.

Сестра предложила Генриетте чашку кофе. Та снова покачала головой; по щекам ее текли слезы. Съежившись в кресле, она устремила взгляд на большие настенные часы, что равнодушно отсчитывали секунды и минуты. Было пять минут шестого.

* * *

Доктор Стивен Уитмен вошел в операционную ровно в пять часов.

Предыдущий его пациент умер в два часа пополудни. Стив не знал, за что ополчились на пятнадцатилетнего мальчугана матерые гангстеры, но знал, что паренек отстреливался и уложил троих, прежде чем пуля поразила его самого. Стив не смог его спасти – было слишком поздно. Но у Динеллы Вашингтон есть шанс... Хотя, если верить операционной сестре, шанс совсем крошечный. Пробито легкое, задето сердце, большая потеря крови... Но Стив Уитмен не из тех, кто сдается без боя.

Ровно час Стивен боролся за жизнь девочки. По лбу его под маской ручьями тек пот; глухим, слегка охрипшим голосом он отдавал распоряжения ассистентам, а когда сердечко Динеллы остановилось, начал прямой массаж сердца. Он сражался со смертью, как солдат на передовой, но и на этот раз судьба встала на сторону врага. Рана оказалась слишком серьезна, девочка – слишком мала и слаба, путь до больницы – слишком долог. Лишь чудо могло бы спасти Динеллу, а Стив не умел творить чудеса.

В шесть часов одну минуту он вышел из операционной, на ходу сдирая с лица хирургическую маску. В такие минуты Стив ненавидел свою работу. Всякая смерть отвратительна, но когда умирает невинный ребенок... Нет, поправил себя Стив. Смерть ужасна и несправедлива всегда. Чем заслужил ее мальчик, храбро защищавший свою жизнь от разъяренных бандитов? Ему Стив тоже не смог помочь...

В такие дни Стивом овладевало отчаяние: собственный труд казался ему пустой тратой времени, жизнь – злой насмешкой, мир – бессмысленной каруселью насилия и зла. Но бывали иные дни – когда Стив выходил из смертельной схватки победителем. Долгие часы сверхурочной работы, бессонные ночи, усталость, страх и отчаяние – все забывалось

ради краткого мига торжества, когда скальпель доктора Уитмена дарил обреченному новую надежду. Ради таких побед стоило работать и жить.

Стив снял хирургические перчатки и принялся мыть руки. В зеркале над раковиной отразилось его лицо – постаревшее, измученное. Стив не спал почти трое суток. Сколько раз он зарекался работать больше сорока восьми часов подряд, но, увы, благие намерения никак не желали воплощаться в жизнь. Когда сражаешься со смертью, не до того, чтобы следить за временем.

А теперь предстояло самое тяжелое. Он должен сообщить страшную весть матери.

Выйдя из умывальной, Стив направился в комнату ожидания. Сам себе он казался ангелом смерти. Несчастливая женщина на всю жизнь запомнит его лицо. Снова и снова образ Стива будет являться ей в кошмарных сновидениях.

Стив тоже не будет спать спокойно: несчетное число раз ему предстоит вспоминать личико девочки, повторять ее имя, перебирать в памяти все детали операции, вновь и вновь спрашивая себя, что еще он мог сделать, чего не учел, что упустил, где просчитался... Да, впереди у него много бессонных ночей, но разве это утешит мать несчастной девочки?

Дежурная медсестра указала ему на молодую негритянку в кресле. Розовое платье женщины было заляпано бурыми пятнами, и Стив вдруг почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

– Миссис Вашингтон!

Женщина вскочила, словно послушная ученица на уроке. Открыла рот – и снова закрыла, не в силах вымолвить ни слова.

– Я доктор Уитмен.

Много раз (слишком много, думалось ему) Стив проходил через эту мучительную процедуру, но так и не смог к ней привыкнуть. Да и как привыкнешь к такому?.. Одно он усвоил твердо: сообщать о смерти пациента надо сразу и быстро. Паузы и промедление более мучительны.

– Должен сообщить вам печальное известие, миссис Вашингтон.

Генриетта поперхнулась на вдохе. Она уже знала, что сейчас скажет врач.

– Пять минут назад ваша дочь умерла.

Он осторожно прикоснулся к ее руке, но Генриетта едва ли это заметила. В мозгу у нее эхом отдавались страшные слова: «Она умерла... умерла... умерла...»

– Мы сделали все, что могли. Но пуля пробила легкое и задела сердце...

Стив запнулся – собственные слова показались ему донельзя бессмысленными и жестокими. К чему эти подробности? Зачем матери знать, что грудная клетка ее дочери превратилась в кровавое месиво?

– Мне очень жаль.

Теперь Генриетта вцепилась ему в руку, словно утопающая; сгорбившись, она хватала ртом воздух, как будто ее ударили в солнечное сплетение. Казалось, еще секунда, и она упадет в обморок.

– Присядьте, вам станет легче, – произнес Стив, усаживая ее в кресло и свободной рукой делая знак медсестре.

В руке у него мгновенно оказался стакан воды. Но Генриетта не могла сделать и глотка: ее била дрожь, она всхлипывала без слез, тяжело и хрипло дыша, словно страшное известие сжало ей горло.

В такие минуты Стив Уитмен, чья работа – спасать людские жизни, чувствовал себя убийцей. Слава богу, такое случалось нечасто. Гораздо чаще он выходил из операционной с улыбкой победителя, а матери, жены, мужа бросались ему на шею и плакали от радости. Так бывало – но не в этот раз. Сегодня он потерпел поражение.

Стив оставался с Генриеттой, пока мог, затем передал ее на попечение медсестер и вернулся в операционную. Его ждала новая пациентка – девочка, выпавшая из окна третьего этажа.

* * *

Было уже половина одиннадцатого, когда Стив, до предела измотанный, добрался наконец до своего кабинета. На душе у него стало немного легче: последнюю пациентку удалось спасти.

Поздний вечер – самое спокойное время в больнице. Первая волна тяжелых случаев идет обычно в середине дня, вторая – после полуночи, а между девятью и двенадцатью выпадает краткое затишье. Можно присесть, закрыть глаза и на несколько минут отрешиться от больничной суеты.

На столе Стива была гора бумаг, ждущих подписи, и уже не в первый раз он пожалел, что согласился принять хлопотную должность заместителя заведующего отделением. Теперь на его плечах лежала вся бюрократическая рутина.

Стив налил себе остывшего кофе, торопливо бросил в рот пару печений «Орео». С самого утра у него не было во рту ни крошки.

Придвинув к себе стопку бумаг, Стив взялся за телефонную трубку и набрал номер.

«Может быть, Мередит еще нет, – думал Стив, прислушиваясь к долгим гудкам. – Не один я засиживаюсь на работе допоздна».

Доктор тяжело вздохнул: о возвращении в пустой дом ему сейчас не хотелось думать.

Но жена оказалась дома и взяла наконец трубку:

– Алло!

Голос Мередит звучал по-деловому, и Стив догадался, что, несмотря на поздний час, она ждет звонка из офиса. В последнее время Мередит и ее подчиненные, увлеченные новым проектом, работали, не отличая дня от ночи.

– Привет, это я.

– Привет. А почему таким убитым голосом? – поинтересовалась она.

– А ты как думаешь?! Трое суток без отдыха!

Обычное дежурство хирурга-травматолога продолжается сорок восемь часов, но в этот раз Стив проработал лишний день – согласился подменить коллегу, у которого сегодня родилась дочь.

Мередит понимающе хмыкнула. Последний раз она видела мужа во вторник утром, а сейчас уже вечер пятницы. Но за четырнадцать лет совместной жизни Мередит привыкла к такому режиму и не жаловалась. Ей ли не знать, что такое преданность своему делу? Ведь и сама она все силы отдавала работе – трудной, утомительной, изматывающей и все же невероятно увлекательной.

Мередит Смит Уитмен была партнером в солидной фирме с Уолл-стрит, специализирующейся по банковским инвестициям. Ее талант, трудолюбие и энергия снискали восхищение коллег. Мередит жила своей работой, как Стив – своей; заключая крупную сделку, она испытывала такой же пьянящий восторг, как Стив – когда ему удавалось вырвать пациента из лап смерти.

– Как там твой великий проект? – спросил Стив.

Последние два месяца Мередит готовила рекламную кампанию для привлечения покупателей к акциям одного высокотехнологичного предприятия в Силиконовой долине. Создатель компании решил превратить свое детище в акционерное общество, и фирма Мередит взяла на себя организацию торгов.

Стив терпеливо выслушивал подробные рассказы жены; но, как ни старался, не мог понять, что интересного в бесконечных столбцах цифр и сложных вычислениях. Что делать – еще в школе ему плохо давалась математика. А Мередит только о своем проекте и говорила. Ее привлекала новизна: рутинные банковские операции в Нью-Йорке и Бостоне изрядно ей поднадоели, а далекая Калифорния казалась неизведанной землей, полной нераскрытых возможностей.

– Продвигаемся потихоньку. – В голосе ее звучала усталость. Вот уже несколько дней Мередит уходила на работу ранним утром, а возвращалась домой затемно. – Уже почти закончили с «красной полосой».

Стив знал, что на профессиональном жаргоне финансистов «красной полосой» называется проспект будущей кампании. Название прижилось из-за напечатанных красной краской полосок с предупреждением о неразглашении, обыкновенно помещаемых на обложке проспекта.

– Милый, когда ты приедешь?

Закрыв глаза, Стив словно наяву увидел жену: она сидит в мягком кресле, завернувшись в любимый пушистый халат, рассеянно накручивая на палец золотистую прядь. Господи, как хочется домой!

– Скоро, малыш. Сейчас подпишу кое-какие бумаги – и поеду. Ты поужинала?

– Как тебе сказать... Несколько часов назад секретарша заметила, что я могу упасть в голодный обморок, и напоила меня чаем с бутербродами.

– Бедная моя! Вот приду и приготовлю омлет. Или, если хочешь, куплю что-нибудь по дороге.

Готовил в семье Уитмен Стив. У Мередит вечно все пережаривалось и подгорало; она искренне не понимала, зачем нужна эта утомительная возня, если можно перекусить бутербродами или, на худой конец, салатом из пластиковой коробочки. «Пропадешь ты без меня!» – частенько говорил ей Стив.

– Приезжай поскорее, я так проголодалась! – промурлыкала Мередит, и от звуков ее бархатного голоса у Стива перехватило дыхание. Они вместе уже целую вечность, а он по-прежнему влюблен, как был влюблен четырнадцать лет назад неуклюжий молодой практикант, потерявший голову от одного взгляда зеленых девичьих глаз.

Они познакомились на вечеринке в студенческом общежитии. Вечер плавно перешел в ночь, полную страсти и нежности, а вскоре Стив и Мередит уже приглашали друзей на свадьбу. Одной ночи им оказалось достаточно, чтобы понять, что они созданы друг для друга, – обычно для этого требуется куда больше времени.

Никто не верил, что счастье их продлится долго – слишком уж не похожи были эти двое. Огонь и лед, штормовой ветер и зеркальная гладь горного озера...

Но друзья-подружки, что качали головами, глядя на влюбленную пару, не понимали, что Стив и Мередит удивительным образом дополняют друг друга. Они не замечали за кошачьей мягкостью Мередит железной воли и целеустремленности, за порывистой страстностью Стива – неисчерпаемого запаса нежности и доброты.

Не понимали они и кое-чего еще. Отец и мать Стива один за другим умерли от рака, поэтому Стив и выбрал нелегкий путь врача. Родители Мередит погибли в автокатастрофе. С ранней юности Стив и Мередит привыкли рассчитывать только на себя. Одиночество научило их ценить семейные узы: они дорожили друг другом, ведь они были единственными близкими людьми друг для друга.

– Так что у тебя стряслось?

За четырнадцать лет Стив и Мередит изучили друг друга так, как иным парам не удастся и за всю жизнь. Вот и сейчас по голосу мужа Мередит сразу поняла: у него что-то не так.

– Сегодня умерли двое ребятешек. – Перед глазами Стива вновь всплыло измученное лицо матери-негритянки, вспомнилось, как она цеплялась за него, хватая ртом воздух, и знакомая тоска сдавила сердце. – Первый – пятнадцатилетний паренек с огнестрельным ранением. Он отстреливался от гангстеров, уложил троих, но в конце концов сам получил смертельную рану. Несколько часов спустя – маленькая девочка. Снова огнестрельное ранение. Перестрелка бандитов с полицейскими, случайная пуля... Малышка умерла у меня на столе. Мне пришлось сообщить эту весть матери. – Он помолчал. – А вот третья сегодняшняя пациентка выжила. Девочка, выпрыгнувшая из окна. Не знаю пока, сможет ли она ходить, но жить будет.

Мерedit напряженно слушала. Работа Стива порой вызывала у нее трепет. Она не понимала, как можно сохранять душевные силы и ясность рассудка, изо дня в день сталкиваясь с болью, смертью и отчаянием? Как можно ежедневно брать на себя ответственность за чужую жизнь – и при этом оставаться в здравом уме, не очерстветь душой?

– Да, нелегко тебе пришлось. Поезжай домой, милый. Тебе надо отдохнуть.

«Я скучаю по тебе», – хотела добавить она, но промолчала. Стив и так это знает, а от повторения задушевные слова обесцениваются.

– Ты права, устал чертовски! Приеду через двадцать минут. Смотри, не ложись без меня!

– Не беспокойся, не лягу, – улыбнулась Мерedit. – У меня с собой полный портфель служебных бумаг.

– Вот как? Что ж, миссис Уитмен, позаботьтесь, чтобы ваши бумаги не попадались мне на глаза! – смеясь, прорычал Стив.

Наконец-то домой, к Мерedit!.. В такие минуты Стив сам не верил своему счастью. В Мерedit воплощалась для него светлая, праздничная сторона жизни, свободная от труда и тяжелого груза ответственности. Стив стремился домой, как каторжник стремится к свободе, мечтал о встрече с любимой, как умирающий в пустыне мечтает о глотке воды. Порой ему приходило в голову, что, может быть, только благодаря жене он до сих пор не потерял рассудок и сердце его не окаменело от бесконечного, как океан, людского горя.

– Ты их не увидишь, дорогой, обещаю. Только приезжай.

Жаркая волна желания окатила Стива.

– Буду через несколько минут! – прокричал он в трубку. – Налей себе бокал вина: не успеешь выпить, как я подъеду!

В том, что касается времени, Стив всегда был оптимистом. Но выбраться из больницы ему удалось лишь через полчаса. Только он скинул халат и двинулся к выходу, как выяснилось, что ординатору позарез необходимо с ним посоветоваться, что у сегодняшней пациентки осложнения, что вчерашняя бабуля со сломанной ногой...

Но Стив, не дослушав, отмахнулся и пошел к дверям. Он едва не падал от усталости; мысли в голове шевелились вяло, словно снулые рыбы. Сейчас от него никакой пользы. Впереди выходные, наполненные смехом и любовью, а в понедельник он, бодрый и свежий, вновь будет на месте, готовый взяться за оружие в самой благородной войне на свете.

Такси, мягко шурша шинами, несло доктора Уитмена по вечернему Нью-Йорку. Стив задумался, откинув голову на спинку сиденья. Порой в голову ему приходило, что они с Мерedit живут какой-то неестественной жизнью. Разве нормально, когда муж и жена не видят друг друга целыми днями? Оба они вечно куда-то торопятся, все их встречи происходят в спешке, на бегу. Но, с другой стороны, возможно, именно благодаря этому они не наскучили друг другу, любовь их за четырнадцать лет не угасла, и близость не превратилась в надоевшую обузу.

В квартире приглушенно звучала музыка, в воздухе плыл легкий аромат любимых духов Мерedit. Но самой ее видно не было.

– Мередит! Я приехал!

Шум воды был ему ответом. На цыпочках Стив подкрался к ванной и распахнул дверь.

Мередит стояла под душем – высокая, стройная, загорелая. Густые белокурые волосы падали ей на плечи, и с них на высокую грудь стекали прозрачные струи воды.

Увидев Стива, Мередит просияла улыбкой; вспыхнули радостью глаза цвета весенней листвы. Выключив душ, она потянулась за полотенцем. Стив не стал дожидаться, пока она вытрется: схватив жену в охапку, он поднял ее и закружил по просторной ванной комнате.

– Что ты делаешь? Я же мокрая! – смеялась Мередит.

– Как хорошо! Милая моя, как же хорошо дома! Не понимаю, зачем я вообще отсюда ухожу!

– Кто же будет спасать людей, если не ты? – улыбнулась Мередит, прильнув к нему. Как всегда, одного ее прикосновения оказалось достаточно: напряжение и усталость последних трех дней вмиг забылись, сменившись острым, нетерпеливым желанием.

– Что сначала – омлет или я? – спросил он, улыбнувшись озорной мальчишеской улыбкой.

Мередит опустила глаза в притворном смущении.

– Я бы и рада начать с тебя, милый, но... очень уж есть хочется!

– Мне тоже, – кивнул Стив понимающе. – Тогда план у меня такой: омлет, душ, а затем идем в постель и отмечаем нашу счастливую встречу. Какое счастье, что в эти выходные у меня нет дежурства! Поверить не могу – два дня вместе!

Но тут зеленые глаза Мередит затуманились.

– Ты, наверно, забыл – в воскресенье я улетаю в Калифорнию. Через две недели начинается рекламное турне, и мы с Кэлленом Доу должны просмотреть проспект и обсудить все детали.

Голос Мередит звучал виновато. Она знала, как дорожит Стив редкими выходными, проведенными вместе. Ему часто приходилось дежурить по воскресеньям, да и Мередит, с головой погруженная в работу, нередко не отличала праздничные дни от будней, так что даже в выходные им редко удавалось по-настоящему отдохнуть.

– Ничего, зато на День труда мы с тобой куда-нибудь съездим вместе...

– Не переживай, Мередит. Я в самом деле забыл. Ничего страшного, – спокойно ответил Стив, хоть внутри у него все сжалось от разочарования.

Стив отправился на кухню и начал готовить ужин. Вскоре к нему присоединилась и Мередит – в белом махровом халате, босиком. Халат то и дело распахивался, обнажая длинные стройные ноги.

– Запахни халат, не то я омлет сожгу! – серьезно предупредил ее Стив.

Только сейчас, при ярком свете, Мередит разглядела, какой у него измученный вид. Волосы всклокочены, на подбородке – трехдневная щетина, вокруг глаз залегли черные круги.

– Как хорошо дома! – уже в который раз повторил он. – Боже, Мерри, как я скучал по тебе!

– Я тоже, особенно по твоему кулинарному таланту, – рассмеялась Мередит, чмокнув его в небритую щеку. Затем устроилась на высоком, обитом кожей табурете и принялась наблюдать, как Стив готовит ужин.

Кухня Уитменов словно сошла с фотографии из журнала «Образцовый дом». Да и о доме можно было сказать то же самое. Квартиру обставляла Мередит – в отличие от Стива, она обладала безупречным вкусом и природным чувством стиля.

Различие их характеров нагляднее всего проявлялось в манере одеваться. Мередит всегда была безукоризненно одета, причесана волосок к волоску, благоухала дорогими духами и распространяла вокруг себя аромат уверенности и успеха. Стив – сам по себе красивый, вид-

ный мужчина – вечно был взъерошенным, ходил небритым, в застиранных джинсах, непарных носках и разношенных туфлях, удобных для работы, но неприглядных на вид.

В первое время их совместной жизни небрежность Стива очень раздражала Мередит. Да и как было не раздражаться, если твой муж похож то ли на алкоголика, то ли на бомжа, только не на добропорядочного гражданина, главу семьи и одного из лучших хирургов в Нью-Йорке! В течение нескольких лет Мередит терпеливо приучала мужа к костюмам-тройкам и галстукам. Она была упряма, но Стив оказался еще упрямее: костюмы неизменно отправлялись в недра гардероба и скрывались там навеки, а галстуки, которые Стив именывал то «ошейником», то «удавкой», совершенно случайно оказывались в мусорном ведре.

Наконец Мередит смирилась, поняв, что равнодушие Стива к своему внешнему виду напрямую связано с особенностями его профессии. Хирург не должен думать о себе – все силы, все внимание он отдает своим пациентам. Вот почему в одежде врачи ценят не красоту или элегантность, а простоту и удобство. Ни одному хирургу не придет в голову причесываться, бриться или гладить брюки, когда на операционном столе его ждет умирающий. Необходимость постепенно превращается в привычку; а те, кто не может отказаться от заботы о своей внешности, вряд ли надолго задержатся на этой работе.

У Мередит же совсем другие задачи. Первейшая – внушить клиенту доверие. Всеми возможными способами, в том числе и своим видом. Она – лицо фирмы, а потому должна следить за собой. Кому, как не ей, знать, что при заключении договора важна каждая мелочь, и какой-нибудь пустяк, вроде плохо уложенных волос или безвкусной брошки, может погубить дело на несколько миллионов долларов.

– Так какие у нас планы на завтрашний вечер? – поинтересовался Стив, выкладывая омлет на блюдо.

– Почему на вечер? – удивилась Мередит.

– Потому, разумеется, что первую половину дня мы проведем в постели!

– Звучит заманчиво, – вздохнула Мередит. – Беда только в том, что завтра с утра мне надо забрать из офиса кое-какие бумаги. И, конечно, их прочесть.

– Ох! А в самолете прочесть нельзя?

– Я же не в Токио лечу, а всего лишь в Сан-Франциско. Обещаю, дорогой, я не стану работать ни секунды больше необходимого.

– Кошмар! – вздохнул Стив, разливая по бокалам белое вино.

В голове у него, словно мотивчик из старинной музыкальной шкатулки, крутились одни и те же слова: «Как хорошо! Господи, как хорошо дома!»

– Расскажи мне о своих делах, Мередит. Что у тебя получается с этой рекламной кампанией?

Глаза Мередит мгновенно загорелись.

– Что-то фантастическое! – с жаром отозвалась она. – Такого шоу наша фирма еще не готовила! Сегодня утром я разговаривала с Доу – он буквально прыгает от нетерпения, точь-в-точь как мальчишка, которому не терпится попасть на бейсбольный матч!

Стив, хоть и не был посвящен в тонкости работы Мередит, от всей души желал успеха и ей, и Кэллену Доу. Компания «Доу-Тех» выпускала высокотехнологичное медицинское оборудование; Стив видел образцы ее продукции и восхищался ими. Мередит рассказала ему, что несколько диагностических приборов Кэллен изобрел сам. Судьба этого человека была столь же яркой, сколь и типичной для делового мира Америки: сын врача из маленького калифорнийского городка, он с детства увлекся техникой, прославился как изобретатель, начал собственное дело и за двадцать с лишним лет создал из ничего компанию, получившую известность не только в Штатах, но и в Европе.

– Хороший человек этот Доу, – продолжала она с улыбкой. – Тебе бы он понравился. Компанию создал с нуля, своими руками и головой. Много лет он мечтал превратить свое

предприятие в акционерное общество. А теперь мы помогаем ему осуществить заветное желание. Ты не представляешь, как это здорово – работать доброй феей!

Мерedit звонко рассмеялась, запрокинув голову. В вырезе халата мелькнула белоснежная грудь.

– Надеюсь, ты не собираешься исполнять все его желания! – заметил Стив, шутливо погрозив ей вилкой.

Мерedit снова рассмеялась:

– Нет, нет, у нас чисто деловые отношения.

– Пусть так. И все же надеюсь, что этот парень – толстый лысый коротышка с ревнивой женой и кучей детишек.

Стив улыбался, хотя острая игла и кольнула его в сердце. Для ревности причин не было, и все же при мысли о том, что Мерedit предстоит две недели тесного общения с посторонним мужчиной, его охватило какое-то неприятное чувство.

Сам Стив обожал жену, восхищался ее красотой, энергией, острым умом. Ему казалось, что все вокруг должны питать к Мерedit такие же чувства. Если этот Доу что-то смыслит в женщинах, он будет из кожи вон лезть, чтобы уложить Мерedit в постель, – так казалось Стиву.

– Поверь мне, настоящий бизнесмен не думает ни о чем, кроме бизнеса, – объясняла ему Мерedit. – И Кэллен Доу не исключение. «Доу-Тех» – его любимое детище, осуществленная мечта, смысл всей его жизни. Я его интересую как специалист, а то, что я – женщина, ему и в голову не приходит. И потом, – она улыбнулась мужу, – будь он даже похож на Тома Круза, что мне с того? Люблю-то я не его, а тебя.

– Ну, ты меня успокоила, – улыбнулся Стив. – А он действительно похож?

– На кого?

– На Тома Круза.

– Конечно, нет! – Мерedit решила поддразнить мужа. – Скорее на Гэри Купера. Или на Кэри Гранта.

«Шутки шутками, а Кэллен и вправду настоящий красавец, – подумала Мерedit. – А впрочем, что мне до его внешности?»

– Очень смешно! А почему твои партнеры не могли отправить с ним кого-нибудь другого? Хорошо, хорошо, обещаю не сходить с ума от ревности. Буду просто скучать. Ненавижу, когда ты уезжаешь надолго.

– Я тоже, – не вполне искренне ответила Мерedit. Она обожала командировки – неотъемлемую и самую увлекательную часть своей работы, и Стивен об этом знал. – Знаешь, какое у меня расписание? Десять городов за две недели!

– Но тебе ведь это нравится, – заметил Стив, устремив на жену влюбленный взгляд. Мерedit – возбужденная, покрасневшая, с блестящими глазами и счастливой улыбкой – казалась ему прекрасной, как никогда.

– Не всегда. Но на этот раз – очень нравится. Этот проект очень важен для меня. И для всей нашей фирмы.

Было уже далеко за полночь, когда Уитмены закончили ужин и отправились в спальню. Приняв душ и торопливо побрившись, Стивен скользнул в постель, где уже ждала его Мерedit. Тела их сплелись в древнем как мир любовном танце; тишину лишь изредка нарушал любовный шепот. Была забыта больница Стива, предстоящая рекламная кампания Мерedit. Весь мир растаял в предутреннем тумане, остались только мужчина и женщина, любящие друг друга.

Глава 2

Проснувшись утром в субботу, Стив обнаружил, что Мередит уже уехала в офис за бумагами. Должно быть, она надеялась вернуться до того, как поднимется Стив, однако, когда она вошла в квартиру с портфелем в руках, муж, в халате и с влажными после душа волосами, уже сидел в столовой, просматривая «Нью-Йорк таймс».

По случаю воскресного дня Мередит решила обойтись без привычного костюма. На ней были белая легкая блузка, слаксы и плетеные босоножки на низком каблучке. По плечам рассыпались белокурые волосы, нежная кожа словно светилась в солнечных лучах. Мередит выглядела свежей и невинной, словно юная девушка. Никто не дал бы ей тридцати семи лет, и ни одному, самому смелому фантазеру не пришло бы в голову мысленно связать эту красавицу с графиками, диаграммами и рядами цифр.

Поднявшись навстречу жене, Стив подошел к ней, обнял и нежно поцеловал в щеку.
– Здравствуй, моя добрая фея!

Они сели рядом. Мередит положила голову ему на плечо – этот молчаливый жест был красноречивее всяких слов. Им было хорошо вместе и прошедшей ночью, им хорошо и сейчас – любовь наполняла собой каждое мгновение их жизни.

«Может быть, за это я должна благодарить свою работу, – мелькнуло в голове у Мередит. – Возможно, именно постоянные разлуки не дают нам наскучить друг другу».

– Сходим куда-нибудь пообедать? – предложил Стив.

– Жарко, – протянула Мередит.

– Дома еще жарче. Мне хочется прогуляться, а тебе? Как насчет «Зеленой таверны»?

– Хорошо, – секунду колебавшись, ответила Мередит.

По совести говоря, ей надо было работать, но работу Мередит решила отложить на потом. Документы подождут. Стивену она сейчас нужнее, чем Кэллену Доу и своим коллегам с Уолл-стрит.

Позвонив в ресторан, Стив заказал столик на два часа дня. Держась за руки, словно влюбленные, Стивен и Мередит вышли на улицу.

Августовское солнце палило нещадно; казалось, еще немного – и расплавится асфальт. Но даже жара не могла испортить хорошее настроение Стива и Мередит.

Доехав до ресторана на такси, они прошли в отдельный кабинет и сели за столик. За едой говорили, как обычно, о делах. Точнее, говорила в основном Мередит, а Стив слушал с любовью и неподдельным интересом.

– Представляешь, Пол Блэк настоял-таки на том, чтобы лететь со мной в Калифорнию! – пожаловалась она.

Стив сочувственно покачал головой. Он был уже наслышан о соперничестве Мередит и Пола – одного из старших партнеров в фирме.

– Ох уж эти мужчины! – продолжала возмущаться Мередит. – Считают себя высшей расой только потому, что носят брюки! Работать не хотят, а как снимать сливки – так они первые! Согласна, именно Пол нашел Кэллена Доу; но затем он скинул всю работу на меня, а сам пальцем о палец не ударил. А теперь почувствовал, что дело выгорит, и решил примазаться к моей славе!

– Будь снисходительна к мужчинам, дорогая, – успокаивающе заметил Стив. – Позволь нам иногда потешить свое самолюбие, ведь от этого никому нет вреда. В конце концов, Кэллен Доу знает, кому обязан своим будущим успехом.

– Ты прав, мне не на что жаловаться, – вздохнула Мередит. – Я знала, на что иду, когда начала играть в мужские игры. Не зря Уолл-стрит называют «самой консервативной улицей в Нью-Йорке»; иной раз мне кажется, что мои коллеги застряли где-то в пятидесятых. Ты ведь

знаешь, каких усилий мне стоило доказать руководству фирмы, что я способна не только на секретарскую работу. А с каким трудом я добилась партнерства! Честное слово, все эти финансисты и банкиры до сих пор уверены, что место женщины – на кухне, в детской, в крайнем случае, в приемной шефа!

Заметив, что Мередит не на шутку раздражена, Стив поспешил сменить тему:

– Кстати, о карьерном росте: Харви собирается переселиться в Бостон.

– Как, опять? – недоверчиво улыбнулась Мередит.

Харви Лукас, заведующий отделением травматологии и непосредственный начальник Стива, в последние годы не раз заговаривал о переезде. Но дальше разговоров дело не шло: сниматься с насиженного места всегда нелегко, тем более – для не слишком здорового человека, обремененного большой семьей. Отъезд Харви предоставил бы Стиву место заведующего отделением; но Стивен не стремился вверх по карьерной лестнице и был вполне доволен своей нынешней работой. К тому же он дружил с Лукасом еще с институтских времен и не хотел расставаться со старым приятелем.

Закончив обед, Стив и Мередит вышли из ресторана и пешком дошли до парка. Здесь было шумно: играли уличные музыканты, с визгом носилась детвора. Стив и Мередит шли рука об руку, не было сказано ни слова, но каждый из них знал, о чем думает другой. Годы совместной жизни научили их своеобразной семейной телепатии: они понимали друг друга без слов.

«Может быть, все-таки заведем малыша?» – молчаливо спрашивал Стив.

«Не сейчас, дорогой, – мысленно отвечала Мередит. – Ты же знаешь, я не против ребенка, но не хочу разрываться между младенцем и работой. Давай подождем».

«Сколько же можно ждать? Годы идут, и мы с тобой не становимся моложе. Когда же ты наконец решишь, что готова к материнству?»

«Может быть, и никогда», – мысленно ответила Мередит, зная, что вряд ли когда-нибудь осмелится произнести это вслух.

Вернувшись домой, Стив расположился на диване и притянул к себе жену.

– Давай после ужина сходим в кино, – предложил он.

«Как он хорош!» – думала Мередит, глядя на мужа. Сейчас, в голубой рубашке, обтягивающей широкие плечи, и в шортах цвета хаки, туго облегающих его мускулистый торс, он казался неотразимо мужественным и в то же время каким-то трогательно домашним. Стиву был бы к лицу загар, но, увы, у него не было времени валяться на пляже или в солярии. Но и сейчас светлая кожа Стива оттеняла мужественную красоту его лица, темные, как вороново крыло, волосы и загадочную черноту глаз.

Он ничем не напоминал того смертельно измученного человека, что, шатаясь от усталости, ввалился в квартиру вчера вечером. Восемь часов полноценного сна и общество любимой жены – вот и все, что нужно было Стивену Уитмену, чтобы обрести былую бодрость и готовность к новым подвигам.

– Не могу, Стив, – виновато ответила Мередит. – Надо собирать вещи, и к тому же я еще не прочла документы.

– Жаль, – коротко ответил Стив. За четырнадцать лет он привык к тому, что работа у жены всегда стоит на первом месте. – А когда твой рейс?

– Самолет вылетает в полдень, – ответила она. – Значит, выехать надо около десяти.

– Вот тебе и воскресенье! – проворчал Стив, смиряясь с неизбежным.

После ужина Мередит уединилась в библиотеке, служившей им обоим рабочим кабинетом. Здесь вперемешку с медицинскими журналами лежали финансовые справочники, а на столе стоял компьютер Мередит. У Стива тоже был компьютер, но он редко пользовался им.

Мерedit положила руки на клавиатуру и на мгновение задумалась, глядя на мерцающий экран. В голову ей пришла неожиданная мысль: не переживает ли Стив оттого, что она зарабатывает больше, чем он?

Полноправный партнер в фирме с Уолл-стрит получает гораздо больше хирурга из муниципальной больницы. Именно Мерedit купила квартиру в элитном доме, именно она платила за свет, тепло и прочие коммунальные услуги. И вся домашняя обстановка – тоже ее рук дело. Стив и рад был бы взять половину расходов на себя, но его зарплаты на это не хватало. Не слишком-то это справедливо, думала Мерedit: почти каждый день он спасает людей от смерти, а получает за это столько, что хватает только на скромную жизнь.

В отличие от многих семейных пар, Мерedit со Стивом никогда не считались и не спорили о деньгах. Между ними не было «твоего» и «моего»: само собой разумелось, что все деньги, кто бы их ни заработал, – общие, семейные. По крайней мере, так Мерedit думала до сих пор... Но кто поручится, что и Стив принимает такой порядок как само собой разумеющийся?

Но мгновение спустя она отбросила неприятные мысли. Еще чего не хватало – сомневаться в Стиве, подозревать его в каких-то задних мыслях! Что за ерунда! С первого дня знакомства они доверяли друг другу безгранично. Между ними не было тайн и недосказанностей: если бы Стива что-то беспокоило, он бы давно об этом сказал.

И стыдиться ей нечего. Ее профессия ничем не хуже трудной работы Стива. Он спасает тех, кто попал в беду, а она помогает достойным людям добиться успеха, исполняет их заветные мечты. Взять хотя бы Кэллена Доу.

Мерedit работала до полуночи. Выйдя из библиотеки, она обнаружила, что Стив заснул перед телевизором. Тихонько, чтобы не разбудить мужа, Мерedit собрала дорожный чемодан и только после этого потревожила Стива поцелуем:

– Пора в постель, дорогой. Завтра мне рано вставать.

Вместе они прошли в спальню, и уже через десять минут ровное, почти беззвучное дыхание Мерedit слилось с уютным посапыванием Стива.

Но долго спать им не пришлось. В шесть утра супругов разбудил телефонный звонок.

Спросонок Стив не сразу понял, о чем речь. Харви Лукас твердил о какой-то катастрофе, о том, что положение отчаянное, что в больнице не хватает рабочих рук.

Стивен протер глаза и отчаянно затряс головой, стряхивая остатки сна. Теперь он вник в то, что говорил коллега. В автомобильной аварии пострадала целая семья. Отец, мать и двое детей находятся в тяжелейшем состоянии. У одного ребенка проломлен череп, у другого, по-видимому, поврежден позвоночник. Всех четверых надо срочно оперировать.

– Жаль, что мне не удастся тебя проводить, дорогая, – огорченно произнес Стив, натягивая джинсы и свежую футболку.

Разношенные туфли ждали его в прихожей. Приехав в больницу, Стив может не переодеваться: просто натянет поверх повседневной одежды хирургический костюм, вымоет руки – и будет готов к работе.

– Ничего страшного, – потянувшись, сонно пробормотала Мерedit. – Мне тоже скоро вставать.

За четырнадцать лет совместной жизни оба привыкли не удивляться тому, что их планы то и дело нарушаются.

– Эх, я-то надеялся сегодня после обеда сходить на теннисный корт! Ну ничего, если повезет, освобожусь уже часа через два.

Но оба они понимали, что это невыполнимое желание. Стоит Стиву только попасть в больницу – и он застрянет там надолго. Находится куча неотложных дел, выясняется, что у такого-то пациента осложнения, что надо просмотреть такую-то медицинскую карту, подписать такие-то бумаги... и все, конец доктору Уитмену! Хорошо еще, если вернется домой к

полуночи! Но завтра ему выходить на дежурство, так что скорее всего он останется в больнице на ночь. И в любом случае Мередит улетает, так что теперь они не увидятся до пятницы.

– Я позвоню тебе из Калифорнии, милый.

Свой калифорнийский номер Мередит дать не могла – сама пока не знала, где остановится. Кэллен Доу обещал сам подыскать апартаменты для нее и Пола Блэка.

– Смотри только, чтобы этот Кэри Грант, Гэри Купер – или на кого он там похож! – не вскружил тебе голову, пока я тут копаюсь в чужих внутренностях!

Стив улыбался, но глаза смотрели тревожно.

– Милый, тебе не о чем волноваться, – со смехом ответила Мередит.

Стив присел на край кровати и поцеловал ее:

– Надеюсь, что так!

Он нежно погладил ее обнаженную грудь и со вздохом поднялся.

– Я-то собирался еще поваляться с тобой в постели, прежде чем мы разойдемся по своим постам...

Но такова была их жизнь – череда несбывшихся надежд, отмененных торжеств, невыполненных обещаний. Для каждого из них работа стояла на первом месте, а любовь они привыкли откладывать на потом. И им обоим казалось, что иначе и жить нельзя.

– Увидимся в пятницу вечером, когда вернешься с дежурства. Надеюсь, к тому времени ты не передумаешь? – весело спросила Мередит.

– О, да ты назначаешь мне свидание!

Улыбнувшись жене, он повесил на поясе пейджер, попытался пригладить ладонью волосы, но только сильнее их взъерошил и пошел в ванную чистить зубы. Бриться не стал – бритье отняло бы несколько драгоценных минут, а работа у Стива была не из тех, что требует опрятного внешнего вида и безукоризненной элегантности. Хирургов-травматологов обычно волнуют совсем иные проблемы.

– Счастливого пути, Мерри! – крикнул он уже из коридора, помахал ей рукой – и секунду спустя в прихожей хлопнула дверь.

«За четырнадцать лет он ничуть не изменился, – откинувшись на подушку, с ленивой улыбкой думала Мередит. – Все такой же помешанный на своей работе доктор. Может быть, этим он мне и нравится».

От Стива мысли Мередит перешли к предстоящей рекламной кампании. Она в сотый раз спрашивала себя, все ли учла, готова ли к турне, не упустила ли какой-нибудь мелочи, которая потом скажется на ходе мероприятия... Так часто случалось с Мередит: о чем бы она ни думала, рано или поздно неизбежно возвращалась мыслями к любимому делу.

Поднявшись, Мередит достала папку с документами и два часа просматривала их, лежа в постели. Что ж, к сегодняшней встрече в Калифорнии она подготовлена. Карандашом Мередит записала на полях несколько вопросов, которые надо будет обязательно выяснить с Кэлленом Доу. Но главная ее задача – объяснить клиенту, что такое рекламная кампания и чего от нее ждать.

Кэллен Доу – совершенный новичок в таких делах и во всем полагается на нее. Рядом с ним она чувствует себя компетентной специалисткой, такой уверенной в себе!

Стоп! Мередит закусила губу, пораженная неожиданной мыслью. Неужели в этом – истинная причина ее любви к работе? Выходит, она попросту самоутверждается за счет клиентов?

Да нет, глупости! Ей действительно нравится то, что она делает! Еще на первом курсе, едва перед ней открылся пьянящий мир крупных сделок, Мередит влюбилась в него всем сердцем, так же как Стив – в хирургию. При всей несхожести, их профессии во многом похожи: оба «работают волшебниками». Стив спасает людям жизнь; Мередит помогает тем, кто много и упорно трудился над созданием своего дела, осуществить заветную мечту.

Мерedit уже одевалась, когда раздался телефонный звонок. Звонил Стив, он только что провел сложнейшую операцию на позвоночнике. Операция прошла успешно, и Стив звонким от радости голосом рассказывал жене, что теперь малыш, пострадавший в автокатастрофе, не только выживет, но и сможет ходить! Правда (тут возбуждение в его голосе померкло), мать мальчика спасти не удалось, а сестренка его до сих пор в коме...

Мерedit с улыбкой слушала взволнованный рассказ мужа. Она хорошо понимала, почему он готов часами говорить о своей работе, почему каждая операция кажется ему самой важной, самой необыкновенной, почему после удачного дня он словно на крыльях летает, а смерть каждого пациента надолго повергает его в уныние.

Понимала, потому что и сама была такой же. Проект «Доу-Тех» занимал сейчас все ее мысли: дай ей волю, и она, наверно, прохожих на улице начнет хватать за рукав и объяснять им, какая у Кэллена Доу замечательная компания и как выгодно вкладывать деньги в ее акции!

– Мерри, я буду с нетерпением ждать тебя, – сказал он на прощание.

– Я тоже, – ответила Мерedit дрогнувшим от нежности голосом.

Стив в ответ рассмеялся:

– Ага, поскучаешь минут десять, а потом у тебя из головы вылетит все, кроме «красной полосы» и прочих финансовых премудростей. Я тебя хорошо знаю!

– Я тебя тоже! – весело откликнулась Мерedit.

Но, как видно, в последние дни ее тянуло к самокопанию. Не успела Мерedit выйти из дому, как в голове у нее засвербил странный и неприятный вопрос: в самом ли деле они со Стивом так хорошо знают друг друга?

Да-да, разумеется, они четырнадцать лет прожили вместе, у них идеальный брак, нет друг от друга секретов... Но что, если это иллюзия? Разве не вчера только она спрашивала себя, что же Стив думает на самом деле? Такие вопросы, такие подозрения не берутся ниоткуда: должно быть, подсознание предупреждает, что в их семейном счастье не все так ладно, как кажется.

А разве у нее нет секретов от мужа? Вспомнить хотя бы бесконечные разговоры о будущем ребенке! Всякий раз, когда Стив заводит об этом речь, Мерedit возражает: они оба, мол, слишком заняты, на малыша у них не хватит времени, надо подождать. Довод понятный и разумный, но почему она упорно молчит о главном – что материнство ее вообще не привлекает, мысль о беременности и родах пугает, что она не чувствует ни малейшего желания взваливать на себя такую ношу?

А что знает о ней Стив? Он прекрасный слушатель, но до сих пор Мерedit как-то не задумывалась о том, много ли он понимает из ее рассказов. Понятно ли ему, о чем она мечтает, к чему стремится, что составляет для нее смысл жизни?

Ну и вопрос! Спроси-ка лучше, Мерedit, понятно ли это тебе самой?

Мерedit не любила неопределенности. На работе, в личной жизни, вокруг нее и в ней самой все было устроено ясно и четко, определено раз и навсегда. По крайней мере, так считала Мерedit. Но порой на нее нападали сомнения, странное беспокойство, которому она сама не могла найти объяснения. Надежная почва уходила из-под ног, незыблемые стены теряли очертания в тумане. Нелепые вопросы возникали в ее голове, все, казавшееся ясным еще недавно, представлялось неопределенным. Она любит свое дело... Но почему? Может быть, работа заменяет ей что-то иное, более важное? Любит Стива... Или ей просто спокойно и удобно рядом с ним – таким любящим и надежным?

Мерedit тряхнула головой, прогоняя неуместные сомнения. Минута слабости, только и всего. Такое у всех бывает, и не стоит обращать на это внимания. К чему задавать вопросы, на которые все равно не найти ответа? Надо жить, как живется, и не искать черную кошку в темной комнате – тем более что ее там скорее всего и нет.

Мерedit остановилась перед зеркалом, бросила на себя последний придирчивый взгляд. На ней был строгий брючный костюм – жакет застегнут на все пуговицы, брюки безукоризненно отглажены. Волосы уложены безупречно, словно она только что из парикмахерской. Мерedit невольно улыбнулась, вспомнив, в каком виде сегодня утром вылетел из дому Стив. Да, они с мужем – совсем разные люди!

Прежде чем уйти, она в последний раз проверила содержимое портфеля. Переносной компьютер-ноутбук, сотовый телефон, черновой вариант «красной полосы»... Все на месте.

Такси плавно мчало ее к аэропорту, мимо проносились знакомые с детства здания, и жаркое летнее солнце светило с бледно-голубых, словно выцветших небес.

Мерedit уже забыла о своих сомнениях – жизнь, настоящая и будущая, представлялась ей безоблачной, как купол августовского неба.

«Чего мне еще хотеть? – думала она. – У меня есть все, что нужно для счастья. Проживи я хоть до ста лет – никогда не пожелаю себе иной судьбы!»

В то время она действительно так думала.

Глава 3

В самолете Мередит времени зря не теряла: дочитала подготовленные для Кэллена материалы и немного поработала на портативном компьютере. Пол Блэк, ее старший партнер, всю дорогу проспал безмятежным сном. Только на подлете к калифорнийскому аэродрому он открыл глаза и изрек по адресу Мередит дежурный комплимент. Он, мол, не сомневается, что она отлично выполнила свою работу и, как всегда, произведет на клиента неизгладимое впечатление.

Мередит выслушала коллегу с любезной улыбкой и поблагодарила, хоть внутри у нее все кипело от гнева. «Да, я специалист в своем деле, – думала она, – но это не причина, чтобы сваливать на меня всю черновую работу. И тем более не причина, чтобы разговаривать со мной этаким добродушно-снисходительным тоном, словно с глупенькой школьницей! Чем он передо мной чванится? Своими связями? Тем, что уже десять лет почивает на лаврах? Или просто тем, что он мужчина?»

По совести сказать, Мередит терпеть не могла Пола Блэка. Она презирала бездельников, а мистер Блэк, по ее мнению, именно к этой категории и относился. К тому же он не упускал случая показать, как высоко себя ценит. Вот и сейчас он раздувался от гордости из-за того, что нашел фирме такого выгодного клиента. А ведь никакой его заслуги в этом не было, просто случилось так, что шурин Пола оказался знаком с Кэлленом и порекомендовал ему фирму, где трудился – точнее, создавал видимость бурной деятельности – его зять.

Самолет приземлился в четверть четвертого. В аэропорту их ждало такси, присланное Кэлленом. Через несколько минут они уже были в отеле в Пало-Альто, неподалеку от офиса «Доу-Тех».

Распаковав вещи, Пол Блэк немедленно сел на телефон и вскоре радостно объявил, что его друзья в Сан-Франциско приглашают поужинать вместе. Куда бы ни прилетел мистер Блэк, у него везде находились друзья, но еще не было случая, чтобы сей «галантный» джентльмен пригласил Мередит составить ему компанию.

Впрочем, Мередит была этому только рада. Она терпеть не могла этих бессмысленных ужинов в роскошных ресторанах, пустой болтовни о яхтах и виллах, спеси, зависти и тщательно скрываемой скуки – словом, всего, что обыкновенно называют «светской жизнью». Нет уж, спасибо! Лучше она останется в номере и еще раз просмотрит подготовленные документы.

Около восьми вечера в спальне зазвонил телефон. Мередит решила, что это Стив – кому же еще быть? Едва распаковав чемодан, она позвонила в больницу и оставила для него на автоответчике свой гостиничный номер. Больше этого номера никто не знал.

– Здравствуй, милый! – весело произнесла она, сняв трубку.

На том конце провода воцарилось недолгое молчание; затем звучный мужской голос произнес:

– Гм! Привет, дорогая! Как прошел полет?

– Отлично, а кто это? – растерянно отозвалась Мередит.

– Это я, Кэллен. Решил узнать, как вы устроились в отеле. Рад приветствовать вас на калифорнийской земле. С нетерпением жду встречи.

– Я тоже, – смущенно пролепетала Мередит. – Прошу прощения, я думала, что звонит муж.

Ей было неловко, а еще более – неприятно от того, что Кэлу удалось смутить ее и выбить из колеи. Впрочем, он тут ни при чем, она сама виновата.

– Я так и понял. У вас все подготовлено?

– Более или менее. Завтра я покажу вам окончательный вариант «красной полосы», а потом мы обсудим некоторые детали предстоящего турне.

– Ну что ж, прекрасно! – воскликнул Кэллен, и Мередит невольно улыбнулась. Этот немолодой и умудренный опытом бизнесмен сейчас вел себя, словно ребенок, с нетерпением ожидающий дня рождения. – Когда же мы отправимся в путь?

– Во вторник, сразу после Дня труда. Почти все готово – осталось только проработать некоторые детали презентаций в Миннеаполисе и в Эдинбурге. О рекламе мы позаботились, и теперь деловой мир Америки и Европы с нетерпением ждет нашего появления. Я не удивлюсь, если желающих приобрести акции окажется больше, чем самих акций!

– Скорее бы уж начать!

– Не торопитесь, Кэл. В таком деле поспешность может все испортить.

– Хорошо, Мередит, полагаюсь на ваш опыт. Пожалуй, вы правы: прежде чем начинать кампанию, надо уломать нашего финансового директора.

– Неужели Чарли все еще упрямится? – воскликнула Мередит.

С Чарли Макинтошем, финансовым директором «Доу-Тех», она столкнулась в свой первый приезд в Калифорнию. И знакомство было не из приятных. Мистер Макинтош оказался на редкость упрямым и сварливым старикашкой: с боссом он разговаривал, на ее взгляд, непозволительно фамильярно и грубо, а на саму Мередит смотрел, словно на злейшего врага. Мередит не могла понять, почему Кэл держит этого человека у себя – давно пора отправить его на пенсию!

– Он по-прежнему уверен, что я совершаю ошибку, – объяснил Кэллен. – Считает, что я должен сохранить за собой единоличное владение фирмой.

– Довольно старомодный взгляд на бизнес, – сухо заметила Мередит.

«О боже, – думала она, – мало мне Блэка! Придется тащить с собой в турне этого бурбона-финдиректора! Он же все испортит!»

И Кэллен, словно угадав ее мысли, заговорил о том же:

– Стоит завести речь о поездке, Чарли словно с цепи срывается! И слышать не хочет о том, чтобы ехать с нами и участвовать в презентациях!

– Ничего, – принужденно улыбнулась Мередит, – завтра мы его переубедим. Натравим на него Пола Блэка – думаю, эти два консерватора между собой договорятся.

– Кстати, а где Пол? Я думал, вы ужинаете вместе.

– Он встречается с друзьями в Сан-Франциско, а я решила еще раз просмотреть бумаги.

– Все-то вы за работой, Мередит. Подождите, так он бросил вас одну? Вы хотя бы поели?

– Заказала ужин в номер. Не беспокойтесь обо мне, Кэллен, мне скучать не приходится.

Эта была чистая правда. Мередит не знала, что такое скука, – увлекательная работа поглощала все ее мысли и чувства.

– Мередит, а может быть, с утра позавтракаем вместе? Давайте, прежде чем заняться делами, встретимся в неформальной обстановке.

– Отличная мысль, – секунду помедлив, ответила Мередит.

Непонятно почему ее охватило непривычное смущение. Кэл Доу ничего особенного не сказал – откуда же странное чувство, словно она идет по тонкому льду, который в любой момент может хрустнуть под ногами?

– Давайте в половине восьмого здесь, в отеле, – торопливо продолжала она. – Кажется, внизу у них неплохой ресторан. Оставлю сообщение Полу, и завтра утром мы встретимся втроем. – И, желая поскорее вернуться к привычному деловому стилю разговора, добавила:

– Не хотите взять с собой финансового директора?

– Думаю, для начала лучше обойтись без него. С ним вы увидите в офисе.

– Хорошо, тогда до завтра.

– Ложитесь спать, Мередит! – отеческим тоном посоветовал Кэллен. – Не стоит изнурять себя работой на ночь глядя – завтра у вас будет достаточно времени, чтобы зачистить все «хвосты».

– До завтра, – может быть, с излишней поспешностью повторила Мередит и повесила трубку.

Она оставила на автоответчике сообщение для Пола, приняла душ, позвонила на пейджер Стиву, но он не отвечал, и Мередит резонно рассудила, что он, должно быть, на операции или делает обход. Так и не дождавшись ответного звонка от мужа, она легла спать.

В два часа ночи ее разбудил телефонный звонок.

– Привет, малыш, я тебя не разбудил?

– Да нет, что ты! – с легким раздражением ответила Мередит. Голос ее спросонья звучал неласково. – Мы тут с Полом как раз в покер сражаемся!

– Серьезно?

– Ну конечно, ты же знаешь, что за весельчак наш Пол!

– Прости, я не хотел тебя будить. У нас здесь пять часов утра, и я только что прочел твое сообщение. С полуночи не выходил из операционной.

– Ну и как? – зевнув, поинтересовалась Мередит.

– Будет жить. Это семилетний мальчик, сбитый пьяным водителем. У него сломаны обе ноги и несколько ребер.

Стив не стал рассказывать, что одно ребро проткнуло легкое, и ребенок оказался на краю гибели. Только благодаря усилиям Стива и его товарищей жизнь мальчика была спасена.

– А сейчас ты едешь домой? – спросила Мередит, снова зевнув и взглянув на часы. Хотя Стив ее и разбудил, она рада была услышать его голос.

– Зачем? Посплю здесь. Все равно через три часа на дежурство.

– Стивен Уитмен, ты единственный известный мне человек, который работает больше меня!

– Чему ж тут удивляться?! С кем поведешься... А что у тебя? Виделась с клиентом?

– Нет, увижусь завтра утром – точнее, уже сегодня. У меня все подготовлено. Сегодня разговаривала с Кэлленом по телефону – он едва не прыгает от нетерпения.

Мередит окончательно проснулась и боялась, что вряд ли ей удастся заснуть снова.

– Ладно, не буду тебе мешать. Просто позвонил, чтобы сказать, что люблю тебя и очень скучаю.

– Я тоже, Стив. – Мередит улыбнулась в темноте, представив себе лицо мужа. – Я скоро вернусь.

– Ага, а я в это время буду торчать в больнице, словно в клетке. Послушай, – он помолчал, словно собираясь с силами, – тебе никогда не приходило в голову, что мы с тобой ведем ненормальную жизнь?

По голосу Стива Мередит безошибочно угадала, что он не просто устал – он расстроен и подавлен. Может быть, его в последнее время тоже мучают сомнения?

– Мне такая жизнь нравится, да и тебе тоже. Знаешь, как раз вчера, по дороге в аэропорт, я задумалась об этом. И мне пришло в голову: хорошо, что у нас нет детей! Появись в семье ребенок, нам обоим пришлось бы круто менять режим и весь стиль жизни.

– А мне кажется, мы бы справились, – с ноткой грусти в голосе ответил Стив. – Справляются же другие!

– «Другие»? – с сомнением повторила Мередит. – Не знаю ни одной семейной пары, которая жила бы так же, как мы. Тебя целыми днями не бывает дома; я то в командировках, то мечусь как угорелая между домом и офисом. Что это за жизнь для ребенка? Нам придется носить нагрудные таблички «мама» и «папа», иначе он так и не научится нас узнавать!

– Знаю, знаю. Ты считаешь, что мы не готовы! Боюсь только, когда ты наконец подговоришься, я буду уже дряхлым стариком.

– Дорогой, ты никогда не станешь стариком! – рассмеялась Мередит.

Но сама она понимала, что это не ответ. Да, она не готова – и один бог знает, будет ли она готова когда-нибудь. Мередит не представляла себя в роли матери, не понимала, как впишется материнство в ее жизненное расписание. В молодости она откладывала рождение ребенка «на потом», но время шло, неопределенное «потом» оставалось где-то в туманной дали, а мысль о детях наполняла ее все большей тревогой, почти страхом.

Мередит знала, что Стив хочет иметь детей. Ей не хотелось его разочаровывать. Только ради его спокойствия она отделялась уклончивыми отговорками; если бы Мередит решилась честно высказать мужу то, что думает, ее ответом стало бы твердое «нет».

– Мерри, нам надо серьезно об этом поговорить. И поскорее.

– Только, пожалуйста, подожди, пока я закончу кампанию «Доу-Тех»! – с неожиданной для самой себя резкостью ответила Мередит.

Сейчас для нее не было дела важнее предстоящей кампании, она не хотела тратить душевные силы на споры со Стивом, стыд и бесплодную борьбу с чувством вины.

Разговоры о детях рождали в ней чувство вины: Мередит знала, как до сих пор тоскует Стив по безвременно ушедшим родителям, как страстно мечтает о настоящей семье. Для него семья без детей оставалась неполной. Мередит считалась с его чувствами, но никогда не понимала их – по ее мнению, любящего супруга и любимой работы для счастья было вполне достаточно.

– Ладно, Мередит, давай прощаться, а то завтра ты будешь спать на ходу!

Стив знал, что Мередит предстоит нелегкий день. А вечером – ночной рейс обратно в Нью-Йорк. Самолет прилетает в шесть утра, и, если Стив хоть что-то смыслит в характере своей жены, она придет домой, примет душ, переоденется и как ни в чем не бывало отправится на работу.

– Завтра позвоню, – пообещала Мередит, сдержав зевок. – Только не знаю когда.

– Не беспокойся, ты знаешь, где меня найти. Я весь день буду здесь.

– Спасибо, что позвонил, – сонно пробормотала Мередит. – Спокойной ночи. Я тебя люблю.

Заснула она не сразу: около получаса ворочалась в постели, думая то о муже, то о предстоящей встрече с Кэлленом. И, кажется, только-только закрыла глаза, как безжалостный трезвон будильника вырвал ее из царства грез.

Для завтрака Мередит надела привезенный с собой строгий темно-синий костюм, жемчужные серьги и уложила волосы в тугой «французский» пучок. Ровно в половине восьмого с неизменным портфелем под мышкой она спустилась в ресторан.

Несколько ранних посетителей проводили ее восхищенными взглядами. В этих взглядах можно было прочесть многое. «Кто это? – казалось, спрашивали они. – Манекенщица, рекламирующая новую модель делового костюма? Или, может быть, голливудская актриса в роли бизнес-леди? Разве у деловых женщин бывает такая легкая, словно танцующая походка, такая светящаяся кожа, белозубая улыбка и сияющие зеленые глаза?»

За столиком ее уже ждал Пол Блэк в темно-сером летнем костюме, белой рубашке и безупречно завязанном галстуке – типичный финансист с Уолл-стрит. Вот уж кого невозможно было принять за кого-то другого!

– Хорошо отдохнули вчера? – поинтересовалась Мередит, усевшись и заказав себе чашку кофе.

– Отлично! Жаль только, что от Сан-Франциско до Пало-Альто путь неблизкий – я вернулся далеко за полночь. Вы правильно сделали, что остались в гостинице.

«Вообще-то у меня не было выбора», – подумала Мередит.

Но вслух этого не сказала, а заговорила о вчерашнем звонке Кэллена:

– Он очень обрадовался, услышав, что у нас уже все готово.

– Ну еще бы! Правильно сделал, что обратился в нашу фирму – уж мы-то его не подведем!

– Да, я ему так и ответила, – сухо отозвалась Мередит.

Больше она ничего сказать не успела – в зал вошел Кэллен Доу.

Мередит не преувеличивала, когда сравнивала его со знаменитыми киноактерами. Кэл Доу был не просто привлекателен – красив яркой, жизнеутверждающей красотой сильного и уверенного в себе мужчины. Мередит слышала, что ему уже за пятьдесят; однако выглядел он самое большее на сорок. Светло-русые волосы без признаков седины, ярко-синие глаза, фигура атлета, ровный калифорнийский загар, элегантный костюм цвета хаки, синяя рубашка, яркий галстук – все в нем буквально просилось на рекламные страницы какого-нибудь модного журнала.

Широко улыбаясь, Кэллен пожал руку сперва ей, затем Полу. Пожатие его было энергичным и крепким.

– Как я рад видеть вас обоих! – произнес он, и Мередит почувствовала, что в его устах эти слова не просто дежурная вежливость.

Все трое заказали себе завтрак: Кэллен – яичницу и фрукты, Мередит – кофе с тостами, Пол – омлет и овсянку.

За едой говорили о предстоящей поездке. Кэллен в основном спрашивал, а Мередит четко и исчерпывающе отвечала на все его вопросы, рассеивала сомнения, успокаивала тревоги.

– Судя по вашим словам, мы можем отправляться в путь хоть завтра, – заметил Кэллен за второй чашкой кофе.

– Лучше пусть все идет по плану, – улыбнулась Мередит. – Мы начнем кампанию в Чикаго через две недели.

Начать с Чикаго предложила сама Мередит. В этом крылся тонкий расчет. Известно, что первый блин обычно получается комом: поскольку Чикаго для целей Кэллена был наименее перспективен, первую презентацию акций «Доу-Тех» Мередит решила провести там. Это будет своего рода генеральная репетиция, окончательная отработка сценария. Если что-то не пойдет на лад – невелика беда, зато на следующей презентации они уже будут знать, чего следует избегать и на что обращать особое внимание.

Из Чикаго путь их лежал в Миннеаполис, затем в Лос-Анджелес и Сан-Франциско. На выходные Кэллен и Мередит разъезжались по домам; в понедельник встречались в Бостоне, затем проводили презентацию в Нью-Йорке и летели в Европу. В Эдинбурге, Женеве, Лондоне и Париже все было готово к их приезду.

В самом конце завтрака Кэллен снова заговорил о Чарльзе Макинтоше. Как видно, разногласия с упрямым финансовым директором не на шутку его беспокоили.

– Я потратил массу времени и сил, убеждая его, что поступаю правильно, – рассказывал Кэллен. – Все напрасно! Самое обидное, что он искренне уверен в своей правоте. Я знаю Чарли много лет: он отличный работник, знающий, честный и ответственный. Всю жизнь он отдал нашей компании. Но господи боже, он упрям, как десять ослов, вместе взятых!

– Нам необходимо убедить его до начала турне, – обеспокоенно заметила Мередит. – Ведь ему предстоит выступать перед потенциальными акционерами! Представляю себе, как он выходит к микрофону с кислой физиономией, всем своим видом выражая глубокое неодобрение...

– Да уж, кислую рожу строить он умеет! – с чувством подтвердил Кэллен.

– И как мы потом объясним покупателям, что с фирмой все в порядке, а дело только в фантастическом упрямстве мистера Макинтоша?

– Ну, пусть только попробует! – прорычал Кэллен.

– И что вы тогда с ним сделаете?

– Придушу голыми руками! – И Кэллен грустно улыбнулся собственной горячности. – Черт возьми, не хочется ссориться с Чарли! Мы ведь не один десяток лет проработали вместе. Он неглупый человек и свое дело знает, но характер у него не из легких. Когда все говорят «белое», он непременно скажет «черное» – просто из чувства противоречия. К тому же у него очень несовременные взгляды на бизнес. Он ведь всего лет на десять старше меня, однако считает нужным меня опекать, словно легкомысленного юнца, ничего не смыслящего в деле.

– Я верю, вы с ним справитесь, – улыбнулась Мередит ободряюще.

Она доверяла Кэллену: если бы он не умел ладить с людьми, не достиг бы такого успеха. Неужели же он не сумеет укротить тяжелый нрав капризного старика?

– Разумеется, – ответил Кэллен. – У нас с ним и раньше бывали споры, но всегда он смирялся с неизбежным. Так будет и теперь.

Все трое вышли на улицу, где ожидал их автомобиль Кэллена с шофером. По дороге в офис Кэллен рассказывал о своей фирме; затем как-то незаметно перешел на дом и семью. А Мередит успела забыть, что у него трое детей! О жене Кэллен не упоминал ни словом: должно быть, они в разводе, решила Мередит. А может быть, она умерла – кто знает?

Ее поразило, что такой занятой человек воспитывает троих детей. А что Кэллен не доверял их воспитание чужим людям, сомнений не было: он рассказывал, что лето дети обычно проводят на озере Тахо, но при любой возможности он привозит их в город.

– Мне тяжело расставаться с ними даже на неделю, – говорил он. – В августе я обычно беру отпуск, и мы отдыхаем на озере вчетвером. Но на сей раз из-за всех этих хлопот с торговыми отдыхать не придется.

В рабочем кабинете Кэллена Мередит просмотрела подготовленные им материалы и признала, что глава «Доу-Тех» не зря отказался от отпуска. Он не забыл ни одной мелочи: все сведения, необходимые партнерам, были собраны и рассортированы, все просчитано, проанализировано и расписано по пунктам. Во всем чувствовалась деловая хватка Кэла.

Однако встречу нельзя было назвать вполне удавшейся, и виной тому стал Чарльз Макинтош. На все, что говорили и делали партнеры, у него находились тысячи возражений. На приезжих из Нью-Йорка он смотрел мрачно, а слушая их, то и дело возводил глаза к небу, громко фыркал и демонстративно пожимал плечами. Но больше всего, кажется, возмущало его, что рекламной кампанией руководит женщина. Нет, он не произнес этого вслух, но бросал на Мередит такие ядовитые взгляды и отпускал такие намеки, что, когда он наконец вышел, Кэллену пришлось за него извиниться.

– К сожалению, Чарли – закоренелый женоненавистник, – смущенно объяснил он, – и боюсь, что с этим я ничего не могу поделать.

Справившись с собой, Мередит улыбнулась, как будто грубость Чарли ничуть ее не задела.

– Не беспокойтесь, – спокойно ответила она, – к такому отношению я привыкла. Пол, знаете ли, тоже не сторонник женской эмансипации.

Она могла говорить совершенно свободно: Пол вышел вместе с Чарли, чтобы продолжить беседу у него в кабинете.

«Однако с Чарли надо что-то делать, – думала Мередит. – Он в самом деле опасен! Брать его в турне – все равно что везти с собой бомбу».

– Во время презентаций вам придется глаз с него не спускать!

– Ничего, Чарли успокоится, – оптимистично заметил Кэллен. – Да, он упрям, но никогда не станет сознательно вредить мне или фирме.

– Удивляюсь, как он вообще позволил вам затеять реорганизацию!

– Ничего другого ему не оставалось, – твердо ответил Кэллен, и в этот миг Мередит поверила, что он справится с капризным финдиректором. – Но я должен попросить прощения, если его замечания вас задели.

– Мне случалось попадать в ситуации и похуже. С одним ворчливым мужланом я как-нибудь управлюсь. Сам по себе он меня не пугает. Пугает то, что он может произвести дурное впечатление на покупателей.

– Через две недели он станет как шелковый. Обещаю.

Вчетвером они пообедали в конференц-зале. Затем Чарли, с которым Пол уже успел найти общий язык, предложил показать город. Мередит два джентльмена с собой не пригласили, но она, лишь отметив про себя их не лучшие манеры, была этому только рада.

Вдвоем с Кэлленом они спокойно и без помех проглядели «красную полосу», обсудили все сомнительные места и пришли к согласию относительно спорных вопросов. К половине шестого, когда вернулись Пол и Чарли, у Кэллена с Мередит все было уже сделано.

– Когда вы улетаете? – спросил Кэллен.

Он и не заметил, как быстро пролетело время. Всего несколько часов прошло с их встречи, а работа уже закончена, нерешенных проблем не осталось, и даже Чарли Макинтош заметно смягчился – очевидно, Полу удалось-таки одержать над ним верх в споре.

– Ночным рейсом, – взглянув на часы, ответила Мередит.

Ей предстояло убить несколько часов – до половины девятого, когда придет время ехать в аэропорт.

– Может быть, поужинаем вместе? – предложил Кэллен.

Мередит не спешила с ответом: ей показалось, что Кэл предлагает совместный ужин только из вежливости. Стоит ли отнимать у него время?

– Вы вовсе не обязаны нас развлекать, – запротестовала она. – Нам с Полом есть что обсудить. Мы прекрасно поужинаем в отеле.

– А мне все-таки хотелось бы угостить вас обоих ужином, – возразил Кэллен, деликатно включая в свое приглашение и Пола.

Чарли Макинтош к этому времени уже ушел, распрощавшись со всеми. С Мередит особенно сдержанно.

«Может быть, он просто ревнует Кэллена ко мне? – подумала она. – Или в самом деле боится, что продажа акций погубит компанию? Но это же просто смешно! И что самое неприятное, он, похоже, забыл, что идея превращения «Доу-Тех» в акционерное общество принадлежит Кэллену, и во всем происходящем винит меня. Что же нам с ним делать?»

– Вы любите китайскую кухню? – спрашивал между тем Кэллен.

Мередит, поглощенная своими мыслями, неуверенно кивнула; Пол с восторгом согласился, и все трое отправились в китайский ресторан.

Вечер прошел на удивление приятно. Совместное обсуждение общих проблем сблизило всех троих: даже Пол оставил свои великосветские замашки и рассказал собеседникам несколько забавных историй из своей деловой практики. Рассказывал он отлично, и Мередит отметила про себя, что ее коллега, оказывается, не такой уж напыщенный зануда, каким предпочитает выглядеть.

У дверей отеля Пол и Мередит тепло распрощались с Кэлленом.

– Увидимся через две недели, – говорил Кэллен, с широкой улыбкой пожимая Мередит руку.

– Если вдруг у вас появятся вопросы или сомнения, – отвечала она, – звоните, не стесняйтесь.

– Боюсь, я столь невежествен в этих вопросах, что даже не знаю, в чем сомневаться!

Он добродушно расхохотался, и Мередит рассмеялась в ответ.

Пол, стоявший рядом, невольно подумал, что Кэл и Мередит очень подходят друг другу. Они похожи, как брат и сестра: оба высокие, стройные, светловолосые, с сияющими улыбками, оба излучают энергию и уверенность в себе... И оба горят интересом к тому, что делают.

Свою машину Кэллен обещал прислать в отель, чтобы отвезти Мередит и Пола в аэропорт, а сам, как он сказал, отправится домой на «Феррари». Этот ярко-красный спортивный автомобиль Мередит еще утром заметила на стоянке «Доу-Тех». Тогда она еще спросила себя, чей это, а сейчас подумала, что яркой, волевой натуры Кэллена такая машина и вправду очень подходит.

– Отличный парень этот Кэллен Доу! – заметил Пол по дороге в номер. – Сколько энергии! Вы с ним не соскучитесь, Мередит.

– Надеюсь, – с улыбкой ответила Мередит. – И больше всего меня подкупило: дожив до пятидесяти лет, он не потерял способности и желания учиться. Он открыт для всего нового. Если чего-то не знает, не стесняется в этом признаться. Очень редкое качество для бизнесмена.

– Да ведь и вы такая же, Мередит, – неожиданно заявил Пол.

Мередит с удивлением посмотрела на коллегу. Такой оценки из уст Пола она и не предполагала услышать.

Собрав в номере чемодан, Мередит набрала номер Стива, но его, как обычно, не было на месте. Полчаса спустя Мередит с Полом уже садились в машину, чтобы ехать в аэропорт.

Самолет летел точно по расписанию. Пол дремал, откинувшись в кресле, Мередит работала при тусклом свете лампы. Почувствовав, что веки ее тяжелеют и строчки расплываются перед глазами, она отодвинула в сторону бумаги, погасила свет и открыла глаза только в шесть утра, при посадке в аэропорту Кеннеди.

Мередит отправилась на такси домой, приняла душ, переоделась и в половине девятого, свежая и бодрая, уже сидела у себя в кабинете.

Стив позвонил ей около полудня, в перерыве между операциями.

– Как я рад, что ты благополучно вернулась! – говорил он. – Когда я знаю, что ты рядом, то скучаю меньше.

«Какая разница? – подумала Мередит. – Ведь мы все равно не можем увидеться. Живем словно на разных планетах: каждый – своей жизнью. Разве так должны жить муж и жена?»

Но сейчас не время задумываться об этом. У нее много работы. Нужно в последний раз проработать все детали с юристами. Обсудить предстоящую кампанию с аналитиками и специалистами по продажам. Столько дел! Нет, самоанализ лучше отложить на потом... На потом? А оно когда-нибудь наступит, это «потом»?!

Презентация приближалась, и Мередит все сильнее охватывало радостное возбуждение, сродни детскому нетерпению Кэллена Доу. Она высиживала свою кампанию, как наседка высиживает яйцо, и теперь нетерпеливо ждала, когда же на свет проклюнется птенец.

«Это и есть моя жизнь, – думала она. – Клиенты и их фирмы – вот мои дети. И эти «дети» меня вполне устраивают».

Мередит никогда не призналась бы в этом Стиву. Но, наверно, и нужды не было: если за четырнадцать лет каждый из них изучил другого лучше, чем самого себя, то Стив, конечно, должен был догадываться о ее истинных чувствах. Но разделял ли он их и готов ли был примириться?!

Мередит засиделась на работе допоздна. «Надо позвонить Стиву, – подумала она, подойдя к окну и любуясь ночным небом, окрашенным заревом огней огромного города. – Хотя вряд ли мне удастся поговорить с ним, его все равно не окажется на месте».

Собирая документы в портфель и закрывая свой кабинет, Мередит снова с привычной нежностью подумала о Стиве и решила, что не желает ничего иного. У нее есть все, что нужно. Другой жизни она не знает и не хочет знать.

Глава 4

Следующие две недели Мередит и Стив виделись второпях, на бегу. Близилось начало рекламной кампании «Доу-Тех», и вся фирма, как говорится, на ушах стояла. Но основная работа, как всегда, легла на плечи Мередит. Каждый день она приходила в офис раньше всех и поздно уходила. Мередит жалела об одном: что в сутках только двадцать четыре часа!

Она не знала, как выдержала бы эту бешеную гонку, если бы не поддержка Кэллена Доу. Он звонил каждый день, иногда и по два раза на дню. Его обаяние действовало даже на расстоянии: самые банальные комплименты в его устах звучали тепло и искренне, звучный голос наполнял сердце Мередит радостью и давал новые силы. После таких разговоров Мередит чувствовала себя словно заново родившейся.

За неделю до начала турне фирма отослала окончательный вариант проспекта на проверку в Комиссию по ценным бумагам. Кэллен, понятное дело, нервничал, и теперь уже Мередит приходилось его подбадривать и успокаивать.

– Это лучший мой проект, – говорила она. – Я перечитывала его столько раз, что уже наизусть выучила. Ручаюсь, они не найдут ни единого нарушения!

К концу второй недели работа была завершена. Снова и снова Мередит пересматривала подготовленные бумаги и не находила никаких изъянов. Рассчитана каждая мелочь, предусмотрены все возможные случайности. Партнеры довольны; аналитики счастливы; специалисты по продажам сгорают от нетерпения; даже комиссия, вопреки своему обыкновению, пропустила проспект без единой придибки. Словом, все было бы отлично... если бы не одно частное незначительное «но».

Уже две недели Мередит общалась с мужем только по телефону.

Она очень скучала по Стиву; хуже того, чувствовала, что и он не на шутку расстроен. Но что ей оставалось делать? Не бросишь же работу за два дня до решающей даты только потому, что муж по тебе соскучился!

– Я уже начинаю думать: может быть, я никогда и не был женат? Может быть, я тебя придумал? – пожаловался как-то Стив.

В час ночи, урвав несколько минут между двумя операциями, он позвонил Мередит на работу и не ошибся: несмотря на поздний час, она все еще была у себя в кабинете.

– Мне тоже тебя не хватает, – ответила Мередит.

Однако в голосе ее не было нежности – он звенел нетерпеливым возбуждением. Приближался час ее триумфа, и, как всегда в такие минуты, она испытывала чувство, сравнимое разве что с волнением актрисы перед премьерой.

– Последние две недели у меня минуты свободной не было. Но дело того стоило, дорогой. Это что-то особенное! Точно тебе говорю, такой кампании мы еще не делали!

Мередит гордилась не только проделанной работой, но и тем, что на этот раз прокладывала путь качественному и по-настоящему нужному людям товару. Недаром, узнав, что фирма «Доу-Тех» производит медицинское оборудование, она спросила мнение Стивена и услышала от него, что продукция Доу достойна самых высоких похвал.

– Мерри, если ты собираешься работать и в выходные, я тебя придушу! – обиженно проговорил Стив.

И, судя по голосу, он не шутил.

– Тебе не придется этого делать, дорогой. Завтра с утра отработаем последние детали, а затем до понедельника я в твоём распоряжении. Я обещала, что праздничные дни проведем вместе, и свое слово сдержу. Ты ведь не дежуришь в эти выходные?

– Ни в коем случае! Мне плевать, даже если начнется землетрясение! Пусть половина Нью-Йорка истечет кровью – не мое дело, у меня законный выходной! Завтра в полдень я

выброшу пейджер в мусорное ведро, а потом затащу тебя в кровать и не выпущу, даже если придется тебя связать!

– Ах ты шалун! – жеманным голоском протянула Мередит, и оба рассмеялись.

Мередит повесила трубку и задумалась. Невеселая морщинка пересекла ее лоб. Стив смертельно устал – это она чувствовала по голосу. Остается лишь молиться о том, чтобы ничто не нарушило его законный праздничный отдых.

Жаркой пятницей перед Днем труда Мередит вернулась с работы рано. Она только успела снять надоевший деловой костюм, как дверь открылась и на пороге появился Стив – с двухдневной щетиной, от усталости едва держится на ногах, на рубашке расплылись темные пятна пота, но все равно – самый родной, самый желанный человек на свете!

Увидев жену в лифчике и трусиках, Стив просиял улыбкой и, достав из кармана пейджер, положил его на стол.

– Если эта штука запищит раньше чем через три дня, я ее молотком разобью! – торжественно провозгласил он. – Надеюсь, ты не собираешься выступать на презентациях в таком виде? Акционеров, конечно, прибавится, но как бы не начались беспорядки!

Мередит подошла к мужу и поцеловала в губы. Рука Стива скользнула по ее теплому бедру.

– Боже, как я устал! – вздохнул он жалобно в надежде на немедленное сочувствие жены. – Похоже, от жары Нью-Йорк сошел с ума. Половина города палит друг в друга из всех калибров, а другая половина почему-то зря лезет под машины. – Стив с нежностью посмотрел на Мередит. – Какое же счастье наконец тебя увидеть! Я уже начал сомневаться в твоём существовании. Как будто женат на стюардессе! Когда я дома, тебя нет, когда ты дома, я работаю. Это не радует, согласна?

– Согласна. Но не всегда же так бывает, верно? Вот закончим кампанию «Доу-Тех» – и, обещаю, буду уходить с работы в пять и ни секундой позже!

– Ага, так я и поверил, – невесело усмехнулся Стив.

Мередит вглядывалась в лицо мужа. Он осунулся, под глазами залегли глубокие черные тени. Неудивительно – ведь за последние три дня ему не удалось поспать и шести часов! Порой Мередит удивлялась, как Стив выдерживает такое напряжение. У нее режим тоже не из легких, но, по крайней мере, каждую ночь она спит в собственной постели, да и по степени ответственности ничто не сравнится с работой хирурга.

– Ладно, буду молить бога, чтобы в следующие полгода у тебя не было ни одной презентации.

– Вряд ли мои партнеры придут в восторг от такой перспективы.

Мередит устроилась на кушетке и с удовольствием отхлебнула ледяного пива, которое Стив достал из холодильника. Всю неделю жара стояла страшная, даже по ночам температура не опускалась ниже двадцати восьми, и Мередит наслаждалась возможностью освободиться от одежды, валяться на диване и потягивать пиво из запотевшего стакана.

– Чем сегодня займемся? – поинтересовался Стив, нежно перебирая пальцами шелковистые пряди ее золотых волос.

– Ну, мы можем сходить на бейсбол, – лукаво улыбнулась Мередит.

Оба они были страстными болельщиками, но Мередит догадывалась, что сейчас это предложение не придется Стиву по вкусу.

– В такую жару? У тебя случайно не солнечный удар? Нет, я бы, пожалуй, сходил в кино, но в воскресенье вечером. Не раньше. До этого у нас с вами, миссис Уитмен, найдутся другие дела.

И оба от души рассмеялись. Как ни выматывался Стив на работе, для жены у него всегда находились силы. Мередит по пальцам могла пересчитать дни, когда, придя с работы, он не тащил ее немедленно в кровать.

Такое случалось, лишь когда у Стива в больнице умирали пациенты. В такие дни он не мог думать об удовольствии. Повседневная работа не дала Стиву очерстветь душой: как и в первые годы, он тяжело переживал смерть каждого пациента, особенно детей.

– Пожалуй, я соберу вещи заранее, чтобы потом об этом не думать. Ты пока прими душ и вздремни.

– Отлично! – с энтузиазмом откликнулся Стив. – Я уже три дня мечтаю вздремнуть. Только поклянись, что не удерешь на работу, пока я сплю!

– Клянусь, раньше чем через две недели коллеги меня не увидят! – приложив руку к сердцу, пообещала Мередит. – А вот ты увидишь, милый. На выходные мы с Кэлленом распрощаемся: он полетит к детям, а я ночным рейсом – домой, к тебе.

– Что ж, будем благодарны судьбе за ее милости.

– А на следующей неделе, по окончании тура, ты сможешь встретиться со мной в Лондоне или в Париже.

Наморщив брови, Стив начал что-то подсчитывать в уме.

– Через две недели? Так, какое же это число? Ах, черт, я дежурю! Подменяю Лукаса: он летит на конференцию в Даллас.

– Хорошо, встретимся дома, а в Париж отправимся в следующий раз, – улыбнулась Мередит, целуя мужа в щеку.

Стив полчаса простоял под горячими струями душа, смывая с себя запахи больницы и усталость. А затем, чистый и свежий, как младенец, лег в постель. Полуприкрыв глаза, он следил, как Мередит бесшумно ходит по спальне, вынимая из шкафа вещи, которые она приготовила в поездку. Не прошло и пяти минут, как веки Стива смежились и он уснул глубоким сном.

Мередит подошла к кровати и долго с улыбкой смотрела на спящего мужа. Как же она его любит! Не было дня, когда она не думала о том, как ей повезло со Стивом – добрым, великодушным, все понимающим.

Ни один из знакомых Мередит мужчин не выдержал бы такой жизни. Рано или поздно он предложил бы жене выбирать между ним и работой. Любой мужчина – только не Стив. Он счастлив уже тем, что счастлива его любимая.

Разобравшись с вещами, Мередит опустилась в кресло и развернула журнал. Как редко выпадали ей такие свободные минуты! В последние месяцы – почти никогда. А сейчас ее голова не занята мыслями о делах – она была абсолютно готова: бумаги собраны, все продумано до мелочей.

Вдруг из гостиной до ее слуха долетел посторонний неприятный звук. Какое-то противное жужжание. Оно повторялось снова и снова: войдя в комнату, Мередит поняла, что жужжит пейджер Стива.

Она застыла на месте, глядя на пейджер с ужасом и отвращением, словно в этом черном прямоугольнике был заключен скорпион, готовый выползти наружу и вонзить в ее плоть ядовитое жало. Затем медленно подошла к столу и взглянула на дисплей. На пейджере мигала красная лампочка – сигнал срочного сообщения; на экране распластались черные цифры: 911. Телефон службы спасения! Какое-то несчастье, помочь которому может только Стив.

Сомнения ее не продлились и нескольких секунд. Сжав пейджер в руке, Мередит вернулась в спальню и тронула Стива за плечо.

Стив заворочался под одеялом, лениво улыбнулся, не открывая глаз, сонной рукой нащупал руку жены и потянул в постель. Как видно, он был готов исполнить свое обещание.

В этот миг до его слуха донеслось назойливое жужжание. Стив открыл глаза. Мередит молча протянула ему пейджер.

– Скажи мне, что это страшный сон! – простонал Стив, переворачиваясь на спину. – На этой неделе дежурит Лукас, я им не нужен!

– Думаю, тебе нужно позвонить в больницу, – мягко заметила Мередит, присаживаясь на кровать. – Может быть, у Харви какой-то сложный случай и он хочет с тобой посоветоваться.

Она знала, что в трудные минуты Харви Лукас всегда обращается за помощью к своему заместителю.

С глубоким вздохом Стив сел на кровати и, скорчив унылую мину, потянулся к телефону.

– Хорошо, если так, – пробормотал он, набирая номер.

Трубку сняли не сразу – Стивена всегда раздражала эта медлительность, хоть он и понимал, что в приемном покое не хватает людей, а те, которые есть, вечно заняты.

– Это доктор Уитмен, – заговорил он, услышав наконец голос дежурной. – Барби, я только что получил вызов по пейджеру. Красная лампочка и девять-один-один. Пожалуйста, скажи, что это ошибка!

Затем Стив замолчал надолго. Мередит не слышала, что говорит ему дежурная, – могла только догадываться по его лицу. Не прошло и нескольких мгновений, как Стив побледнел, словно мел. Еще через несколько секунд зажмурился и с силой потряс головой.

– Черт! Сколько? Так, а сколько привезли к нам? – Выслушав ответ, он издал громкий стон. – Куда же вы их кладете? В гараж?.. Да вы что, с ума там посходили? Сто восемьдесят семь тяжело раненных – да что мы будем с ними делать? Господи помилуй! Ладно-ладно, понял – буду через десять минут.

Повесив трубку, он поднял на жену мрачный взгляд. И сегодняшний день, и завтрашний, да что там, вся неделя летела к чертям!

– Включи-ка новости, Мередит. Четверть часа назад какие-то ублюдки взорвали бомбу в Эмпайр-стейт-билдинг. Выбрали время, сволочи, – в пятницу днем там работают все учреждения и полно туристов! Около сотни человек погибло, более тысячи ранено. Все больницы в городе переполнены. У нас в травматологии семьдесят пять свободных коек; больше сотни раненых лежат в холле, а в течение этого часа должна прибыть еще сотня. Вот тебе и праздник! Прости, дорогая.

Но Мередит и не думала упрекать его за испорченный выходной. Что значит ее разочарование по сравнению с трагедией, которая обрушилась сегодня на несколько тысяч ни в чем не повинных людей?

Пока Стив одевался, Мередит включила телевизор. По всем программам показывали одно и то же: зияющую дыру в стене небоскреба, языки пламени, клубы дыма, фигуры пожарных и спасателей в ярких комбинезонах. Стоны раненых, мертвые тела, оторванные руки и ноги, повсюду кровь. И виной всему этому ужасу стало не буйство природы, не слепая игра стихии – нет, все это сотворили люди, рожденные людьми, говорящие со своими жертвами на одном языке.

– Как можно? – сдавленным голосом повторяла Мередит. – Там же дети! Господи, как же так можно?!

Стив натянул футболку и потертые джинсы, сунул ноги в разношенные туфли. По крайней мере, он успел два часа поспать и теперь снова чувствовал себя человеком.

– Может быть, мне поехать с тобой? – дрожащим голосом спросила Мередит. Ей страшно было думать о том, чтобы остаться дома наедине с телевизионными новостями. – Возможно, я смогу чем-нибудь помочь?

– Не стоит, малыш. В такой суматохе, как сейчас, от добровольцев мало пользы. Барби сказала, что на помощь нам уже спешат врачи из Лонг-Айленда и Нью-Джерси. Я тебе позвоню, как только выдастся свободная минутка.

«А это, судя по всему, случится не скоро», – мысленно добавил он.

Поцеловав на прощание жену, Стив поспешил в больницу, а Мередит осталась одна перед телевизором. В ужасе и смятении, почти не веря собственным глазам, она переключала каналы – и везде видела одно и то же: развалины, пламя, кровь, искаженные ужасом лица тех, кто чудом остался жив.

Мередит никуда не выходила из дому, боясь пропустить звонок Стива. Она бесцельно бродила по квартире, перебирала вещи и бумаги. Телевизор она больше не включала.

Стив позвонил в субботу ночью. Все это время он был у операционного стола. В больницу привезли около трехсот тяжело раненных: пятьдесят два человека умерли, и остальные все еще находились на грани смерти. Сдавленным от горя и гнева голосом Стив поведал Мередит, что среди пострадавших много детей – в тот злосчастный день на экскурсию в знаменитый небоскреб поднялась большая группа школьников из летнего лагеря.

– Ты-то как? – встревоженно спросила Мередит.

– А что я? У меня все в порядке, малыш. В конце концов, это моя работа. Если бы я хотел обедать каждый день и спать каждую ночь, пошел бы в дерматологи. Жаль только, что не удалось нам с тобой по-людски попрощаться.

Мередит всхлипнула. Что она могла ответить? Стив сам выбрал себе такую судьбу.

– Я, наверно, не скоро теперь вернусь домой, – виновато произнес он.

– Не беспокойся об этом. Увидимся в следующую субботу, дорогой. Держись!

– Не знаю, застанешь ли ты меня дома через неделю. Ладно, пора в операционную.

Позвоню позже.

Он снова позвонил утром в воскресенье. Мертвым от усталости голосом рассказал, что ухитрился пару часов поспать, а вообще держится только на черном кофе.

– Стив, тебе обязательно надо отдохнуть! – встревоженно воскликнула Мередит.

Услышав его голос, она не на шутку испугалась – не столько за Стива, сколько за его пациентов. Ведь хирургу достаточно одного неверного движения. До сих пор Стив не совершал ошибок, но кто знает, к чему приведет его хроническое недосыпание и постоянная усталость?

Но потом Мередит подумала, что, наверное, напрасно беспокоится за Стива. Коллеги не зря называют его одним из лучших хирургов в Нью-Йорке: он вынослив и упрям, словно боевой конь. Он останется в больнице столько, сколько потребуется, и пациенты его могут не волноваться: Стив не допустит ни одного просчета. Ради спасения людей, доверивших ему свою жизнь, он превратится в робота, в машину, не знающую ни волнения, ни усталости, ни ошибок. Еще день, и два, и три он простоит в операционной, ни на секунду не позволяя себе расслабиться, не вспоминая ни о еде, ни о сне, ни о тепле родного очага. Таковы настоящие врачи; таков Стив Уитмен.

– Обязательно отдохну, – заверил ее Стив. – Правда, через час у меня следующая операция, но Лукас здесь, он меня подменит. Ну я пошел. Целую. Да, чуть не забыл! В аэропорт отправляйся пораньше, – озабоченно сказал Стив, – сейчас ужесточен режим охраны, и везде очереди.

Благодарная мужу за это напоминание, Мередит в который раз удивилась бесконечной заботе Стива. Он падает с ног, он измучен, но помнит о каких-то мелочах лишь только потому, что они касаются ее, Мередит. Волнение перехватило горло женщины.

– Не старайся до меня дозвониться, Стив, я позвоню сама. Я ведь понимаю, как ты будешь занят в ближайшие дни.

– Ладно, Мерри, хватит обо мне. Счастливого пути, дорогая! Не волнуйся обо мне, спокойно лети в Чикаго... и покажи им класс!

– Спасибо, милый. Береги себя. Постарайся не работать до изнеможения.

– Ладно, малыш. Успехов тебе. Будь хорошей девочкой и не разгуливай перед инвесторами в нижнем белье. И перед этим парнем, Доу, в особенности! Ты же знаешь, какой я ревнивый!

Стив никак не мог выкинуть из головы Кэллена Доу, ему неприятно резало слух восхищение, с каким жена отзывалась об этом человеке. Но сам он понимал, что тревожится по-пустому. С Мередит ему повезло, она – образец верной жены: супружескую измену она считает предательством и подлостью. И, наконец, она же любит его!

– Обязательно приезжай на выходные. Может быть, выберемся куда-нибудь вдвоем. Ну пока!

В понедельник утром Мередит с сумкой на каждом плече и с неизменным портфелем спустилась вниз – на улице ее уже поджидало такси.

В аэропорту, как и предсказывал вчера Стив, творилось черт знает что. Вооруженная охрана, солдаты с автоматами, проверка документов на каждом шагу – сумасшедший дом, да и только! Можно подумать, Нью-Йорк превратился в зону боевых действий! Мередит едва успела на самолет, хотя предусмотрительно приехала за час до взлета.

Войдя наконец в салон и опустившись на свое место у окна, Мередит вздохнула с облегчением, откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Перед мысленным взором ее все еще стояли страшные картины из телерепортажей, в ушах звучал усталый голос Стива. На фоне беды, обрушившейся на родной город, собственная работа вдруг показалась Мередит никчемной и бессмысленной. Таскаться из города в город, уговаривать деловых людей покупать акции «Доу-Тех», не спать ночами в заботах о прибыли и о престиже... Кому все это нужно? Стоит ли заботиться о мелочах, когда по следам каждого из нас, словно зверь во тьме, крадется смерть?

В чикагском аэропорту О'Хейр было тихо и – по сравнению с нью-йоркским столпотворением – удивительно пустынно. Мередит без приключений доехала до отеля, узнала, что Кэллена Доу еще нет, зарегистрировалась, а около часа спустя в номере у нее раздался телефонный звонок.

Звонил Кэл – он только что приехал.

– Мередит, что делается у вас в Нью-Йорке! – начал он сразу после первых приветствий. – Я с пятницы смотрю все выпуски новостей. Подумать только, какой кошмар!

В голосе его испуг мешался с возбуждением – так часто бывает у людей, ставших свидетелями несчастья, которое, однако, не затронуло их самих.

– Верно, – сухо ответила Мередит. – Мой муж работает в травматологическом отделении одной из центральных больниц. У них сейчас более трехсот раненых в тяжелом состоянии.

– Представляю, каково теперь вашему мужу! – понимающе заметил Кэл.

– Я не видела мужа с прошлой пятницы. А по телефону он рассказывал мне ужасные вещи. Ладно, – поспешила она закончить неприятную тему, – как у вас дела?

Все мероприятия должны были начаться завтра с утра и идти почти без перерывов следующие две недели. Менялась сцена, зрители и время показов – актеры оставались одни и те же. Деловые завтраки, обеды и ужины проходили по отработанной программе: показ слайдов, затем к потенциальным инвесторам выходит Мередит, произносит перед ними короткую речь и представляет Кэллена Доу. Дальше все зависит от него: за отпущенные полчаса он должен убедить аудиторию, что «Доу-Тех» – блестящая фирма, мечта любого инвестора, и кто вложит деньги в ее акции – об этом не пожалеет. Затем наступает черед Чарли Макинтоша, финансового директора компании (его выступление беспокоило Мередит больше всего). Десять минут на вопросы и ответы – и конец. А через час-два все начинается сначала, уже перед следующей группой возможных инвесторов.

Уже через неделю Кэл должен освоиться, и тогда презентации превратятся для него в рутинную работу, но сейчас он нервничал. И неудивительно: близился поворотный пункт его карьеры. От этих двух недель зависит, сумеет ли он вывести дело своей жизни на новый уровень.

Что же до Мередит – она была спокойна. Ведь вряд ли можно назвать волнением то радостное ожидание чуда, когда сердце гулко стучит в груди и кажется, что за спиной вырастают крылья. Она ни на секунду не сомневалась в своих силах – более того, верила, что их ждет ошеломляющий успех.

– Вы не поверите, – улыбнулся Кэллен, – но у меня руки дрожат. Ужасно нервничаю.

– Ничего, скоро успокоитесь, – утешила его Мередит. – Не успеем добраться до Нью-Йорка, как вы уже станете настоящим профессионалом в этом деле. И, обещаю, вам это понравится. Презентации затягивают, по себе знаю.

– Ну, если вы так говорите...

Затем Мередит подробно рассказала Кэлу о том, с кем ему предстоит встретиться на следующий день за завтраком и обедом. Затем их ожидал новый перелет, вечер и утро в Миннеаполисе, снова самолет – в Лос-Анджелес, полтора дня там, а в пятницу – две презентации в Сан-Франциско. На выходные Кэл отправляется домой, а Мередит летит ночным рейсом в Нью-Йорк, к Стиву.

Она рассталась с мужем всего несколько дней назад, но уже скучала по нему. Однако до пятницы еще далеко, и многое, очень многое нужно сделать.

– Ну и расписание у нас! – воскликнул Кэл, выслушав ее до конца. – Но объясните мне, Мередит, – в голосе его слышалась тревога, – ведь стоит какому-нибудь самолету задержаться или отменить рейс – и вся программа накроется!

– Разумеется. Поэтому я заказала в каждом городе запасной чартерный рейс. На всякий случай, – поспешила с ответом Мередит.

– Вижу, вы все предусмотрели!

– Это моя работа.

– С ума сойти! А «Шардонне» и мартини «Сапфир» у меня в номере – тоже ваша работа?

Несколько минут назад Кэл был приятно изумлен, найдя в гостиничном баре свои любимые напитки.

– Я узнала у вашей секретарши, что вы предпочитаете. Нам с вами, Кэл, предстоят нелегкие дни, и вы должны чувствовать себя максимально уверенно и комфортно. И постарайтесь сегодня хорошенько отдохнуть, – заботливым материнским тоном добавила Мередит, – чтобы завтра быть в форме.

– Мередит, а вы не хотите со мной поужинать? Обещаю, мы не станем засиживаться допоздна. Очень уж не хочется сидеть целый вечер у себя в номере, все равно заснуть пораньше мне вряд ли удастся.

Мередит колебалась, но искушение было слишком велико. За последние дни одиночество надоело и ей.

– Не уверена, что нам стоит... Впрочем, хорошо. Но смотрите, Кэл, в десять часов расходимся. Иначе завтра будем выглядеть не лучшим образом.

Рассмеявшись, Кэллен пообещал, что покинет ресторан ровно в десять.

– Нравится мне, как вы со мной разговариваете, Мередит, – таким заботливым тоном курочки-наседки! В точности как я со своей ребятней! Хорошо, обещаю вас слушаться. Точно в указанное время вернусь к себе в номер и напьюсь в гордом одиночестве.

– Час от часу не легче! – расхохоталась Мередит. – Похоже, напрасно я заказала для вас мартини – надо было попросить снотворного! Не волнуйтесь так, Кэл, – успокаивающе

добавила она. – Все будет хорошо, вот увидите. У вас прекрасная фирма, вы можете ею гордиться. Ручаюсь, нас ждет успех.

– Мередит, я безумно вам благодарен за все, что вы для меня сделали. – Голос Кэла вдруг зазвучал серьезно и искренне. – Вы – удивительный человек!

– Как и все в нашей фирме, – с подобающим случаю патриотизмом ответила Мередит. – Уверяю вас, юристы и аналитики сделали для вас не меньше моего.

– И даже Комиссия по ценным бумагам пошла нам навстречу! – весело подхватил Кэл. – Что ж, такую удачу грех не отпраздновать. Ведь теперь нам целую неделю не придется вкусно есть!

От Пола Блэка он уже слышал о «резиновых цыплятах» и прочих совершенно несъедобных блюдах, которые обыкновенно подаются на презентациях. Ничего удивительного – хотя подобные мероприятия и именуются «завтраками» и «ужинами», участники их интересуются едой в последнюю очередь. Да и самому Кэлу было все равно что есть – лишь бы все презентации прошли гладко. Он очень волновался, но Мередит заразила его своей уверенностью, и теперь он и сам поверил в успех.

Они договорились встретиться в холле в половине восьмого. Кэл обещал заказать столик в «Памп Рум» – одном из любимых ресторанов Мередит, где она ужинала почти каждый раз, когда бывала в Чикаго.

Ровно в половине восьмого, как и обещала, Мередит спустилась в холл. Кэл уже ждал ее там, как всегда, безукоризненно одетый, причесанный и выбритый.

В первые дни знакомства Мередит часто ловила себя на мысли, что Кэл не похож на делового человека – скорее напоминает фотомodelь или киноактера в роли бизнесмена. Но скоро она перестала удивляться его красоте и обаянию. Мередит никогда не оценивала людей по внешности, и в Кэле ее привлекали не синие глаза, не ослепительная улыбка, не калифорнийский загар, а беспокойный, деятельный ум, энергия и неизменное чувство юмора. Он был из тех, с кем всегда интересно – такие люди нечасто встречаются.

По дороге в ресторан они болтали обо всем на свете. Мередит расслабилась и чувствовала себя так, словно они были старыми друзьями. Но когда они сели за столик в тихом уголке зала и сделали заказ, Кэл вдруг задал ей совершенно неожиданный вопрос:

– Мередит, расскажите мне о своем муже! Представляю себе, какой напряженный у него режим – особенно после чрезвычайных происшествий, таких, как в эту пятницу. Вы, должно быть, целыми днями его не видите?

– Да, иногда так и бывает, – улыбнулась Мередит. – Но я тоже много работаю, так что мы квиты.

– Вы давно замужем?

Мередит не любила откровенничать, и обычно ее личная жизнь для клиентов оставалась загадкой. Но Кэл был ей симпатичен, и в расспросах его чувствовался искренний и доброжелательный интерес. «Почему бы и не рассказать ему о себе?» – подумала она.

– Четырнадцать лет. Мы поженились в Вашингтоне, когда я еще училась.

Неслышно подлетел официант с бутылкой вина на подносе и наполнил их бокалы.

– А дети у вас есть?

– Нет!

Ответ прозвучал резче, чем ей бы хотелось. Кэл удивленно поднял бровь.

– Какое решительное «нет»! Похоже, вам и не очень-то хочется! – заметил он.

– Да нет, не то чтобы... – неловко замаялась Мередит. – Просто у нас со Стивом совсем нет времени на воспитание ребенка. Раньше мы все откладывали на потом, но годы идут, и я уже начинаю думать, что этого никогда не случится.

– И вас это огорчает? – настаивал он.

Один из вопросов, на которые Мередит не любила отвечать даже самой себе. Но Кэллен ждал ответа, и его пронзительный взгляд требовал откровенности. Он спрашивал так, словно имел на это право. И Мередит, сама не зная почему, чувствовала, что может ему довериться. Этот человек ее не предаст.

– Нет, не огорчает, – честно ответила она. – По совести сказать, я этому только рада. Мне для счастья хватает мужа и любимой работы. А вот Стив, боюсь, будет очень разочарован, если останется бездетным. В последнее время он все чаще об этом заговаривает.

– И что вы ему отвечаете? – не отставал Кэл.

Мередит улыбнулась в ответ.

– Что мне надо готовиться к презентации, а о детях мы поговорим потом.

– Но рано или поздно он потребует решительного ответа!

– Что ж, я отвечу! – постепенно распаляясь, проговорила Мередит. – Я работаю допоздна, Стива не бывает дома по несколько дней кряду, а если происходит что-то чрезвычайное, то и по целым неделям. Как, скажите на милость, мы можем взять на себя ответственность за ребенка? Когда будем его воспитывать? По выходным? Нет, такой жизни ребенок не заслуживает! Ему нужна нормальная семья, мама и папа, которые будут с ним гулять, играть, рассказывать ему сказки – каждый день, а не раз в году!

Наступило короткое молчание. Кэл задумчиво смотрел ей в лицо: взгляд его синих глаз был непроницаем, и Мередит не могла угадать, о чем он думает.

– А вы, Кэл? – спросила она, решив, что вправе ждать от него ответной откровенности. – Как вы справляетесь со своим выводком? У вас ведь, кажется, трое – я не ошибаюсь?

– Верно, трое. И их мать во многом похожа на вас.

Он как-то вмиг постарел: сгорбились плечи, потух огонек в глазах, чистый лоб пересекла глубокая морщина. Сейчас Кэллен выглядел на все пятьдесят лет.

– Она юрист, – начал он тихим, бесстрастным голосом, – в то время работала в Голливуде. Опекала актеров, следила, чтобы продюсеры их не обманывали при заключении контракта. Сильная, яркая, независимая... Меня она привлекла сразу. Без колебаний легла со мной в постель, а вот выходить замуж не хотела – боялась, как говорила, потерять свободу. Еле-еле я сумел ее уговорить и потом выслушал за это немало упреков. Но, пока мы жили в Лос-Анджелесе, все было ничего. А потом я решил переехать в Сан-Франциско, чтобы открыть свое дело в Силиконовой долине. И она отказалась ехать со мной.

Наступило долгое молчание. Кэллен, казалось, забыл о своей слушательнице.

– И чем же все кончилось? – не выдержала Мередит.

Она не понимала, почему жена Кэллена не согласилась на переезд. Сан-Франциско – прекрасный город, ничем не хуже Лос-Анджелеса. Там есть и театры, и киностудии – хотя, конечно, не того масштаба, что в Голливуде, – так что без работы она бы не осталась.

– О, это было только начало! – с невеселой усмешкой ответил Кэллен. – Она осталась на прежнем месте: мы решили, что будем ездить друг к другу по выходным. В конце концов, думали мы, от Лос-Анджелеса до Сан-Франциско всего несколько часов езды!.. И начался кошмар. Всякий раз, когда я был свободен, у нее находилось какое-нибудь срочное дело; когда она освобождалась, оказывался занят я. Мы не виделись месяцами, а когда наконец встречались, тратили все больше времени на ссоры и пререкания.

Мередит сочувственно покачала головой. Она догадывалась, что такой режим выдерживать нелегко. Что, если бы они со Стивом оказались в разных городах и должны были бы ездить друг к другу на свидания?

– Самое удивительное, – продолжал он, – что при такой безумной жизни мы решились завести детей. Хотя «решились» – не самое точное слово. В первый раз она забеременела случайно, а затем я убедил ее, что ребенку нужны братья и сестры.

– Почему вы так убеждены в этом? – удивилась Мередит и добавила: – Вот я была, например, единственной дочерью.

– А я – единственным сыном, – ответил Кэллен.

Это признание подтвердило ее догадку: почему-то ей с самого начала казалось, что у Кэла нет ни братьев, ни сестер. Может быть, ему не хватало мягкости, особой душевной теплоты, характерной для людей, выросших в большой семье.

– Тогда мне казалось, что так и должно быть; но теперь, оглядываясь на свое детство, вижу, что многое упустил из-за того, что рос один. Будь у меня брат или сестра, я вырос бы добрее, терпимее, легче научился бы ладить с людьми... Нет, детей в семье должно быть много. В этом я твердо убежден.

– Странно, что жена с вами согласилась.

– Она хотела сохранить семью – как и я. Не знаю, правда; я-то желал этого искренне, а вот она... – Кэл умолк на миг, потом продолжил: – Разумеется, ничего не вышло. Из Шарлотты не получилось хорошей матери: работа всегда интересовала ее куда больше детей. Все заботы о малышах она переложила на няню, а сама появлялась дома раз в месяц. Привозила им подарки, трепала по головке, спрашивала, как дела, и снова улетала. Постепенно она стала приезжать все реже и реже. Говорила, что дети слишком шумят и не дают ей отдохнуть. Она... им я этого, конечно, никогда не скажу... но думаю, она никогда их не любила.

Мередит горестно покачала головой.

«Такое может случиться и со мной, – подумала она. – Предположим, поддавшись на уговоры Стива, я рожу ребенка и не смогу его полюбить. А что может быть страшнее для крохи, чем равнодушные матери?»

– А где сейчас Шарлотта?

– Это отдельная история.

Кэл снова замолчал надолго, нервно барабанил пальцами по столу. Мередит терпеливо ждала продолжения. Должно быть, Кэллену не часто приходится изливать душу, теперь, чувствовала Мередит, он не остановится, пока не расскажет все до конца.

– Семь лет мы с ней прожили вместе – плохо ли, хорошо ли, – и вдруг в один прекрасный день она является ко мне на работу и требует развода. – В голосе Кэла звучала горькая ирония. – Как так? В чем дело? «Кэллен, – говорит она, – я должна тебе кое в чем признаться, пожалуйста, не сердись». Оказывается, все эти годы она изменяла мне со своим партнером-адвокатом!

Мередит ахнула.

– Справедливости ради должен отметить, – размеренным голосом продолжал Кэл, – что с ним она закрутила роман еще до того, как познакомилась со мной. Но он не хотел жить с ней вместе, терзался, видишь ли, какими-то сложными сомнениями, а тут как раз подвернулся я... Ну вот, а теперь, выждав семь лет, благородный любовник одумался и заявил, что готов на ней жениться. Не раздумывая, она бросила меня, бросила троих детей, они поженились, уехали в Лондон и открыли новое дело. И, насколько я знаю, счастливы вместе. Стоит ли добавлять, что детей у них нет?

– И... давно это случилось?

– Восемь лет назад, – коротко ответил Кэл.

«Но эта рана свежа, словно все произошло вчера», – мысленно добавила Мередит.

– А она хотя бы видится с детьми?

– Да, прилетает пару раз в году, когда кто-нибудь из ее английских клиентов снимается в Голливуде, и на несколько дней заезжает к нам. А каждое лето ребята ездят вместе с ней в Ниццу. На целую неделю, подумать только, как щедро со стороны матери – целую неделю провести вместе с детьми!

«Что за бессердечная женщина эта Шарлотта! – с неприязнью подумала Мередит. – Неужели ей совсем не жаль детей?»

– Господи, как они, наверно, ее ненавидят!.. Или, может быть, надеются, что она вернется?

– Ни то ни другое. Принимают Шарлотту такой, как она есть. У них ведь нет другой матери, так что сравнивать не с кем. Кроме того, я все время рядом. Дом мой в пяти минутах езды от офиса. Я стараюсь не засиживаться на работе допоздна, а они знают мой рабочий телефон и, если стряслось что-то срочное, всегда могут позвонить. Выходные для меня неприкосновенны, а летом я каждый год беру отпуск и еду с ними на озеро Тахо. Только в этом году, к сожалению, не удалось – столько забот с этим акционированием... И, вы знаете, – задумчиво продолжал он, – нам хорошо вместе. Думаю, можно сказать, что у нас почти идеальная семья. Не совсем идеальная – потому что нет матери. Зато отец вкалывает за двоих.

– Почему вы не женились во второй раз? – спросила Мередит после некоторых колебаний. – Не так-то просто в одиночку растить троих.

Кэл ответил не сразу.

– По мне, одному как раз легче. Не с кем спорить о методах воспитания. Некому доказывать, что ты прав. Сам принимаешь решения, сам воплощаешь их в жизнь, сам отвечаешь за то, что делаешь. Я предпочитаю полагаться только на себя. – Помолчав, он добавил: – Если совсем честно... Я доверился Шарлотте – и видите, чем это кончилось? Нет, больше я в такую ловушку не попаду.

– Но ведь не все женщины такие... – пробормотала Мередит.

– Может быть. Но лучше не рисковать.

Мередит хотела бы защитить честь своего пола; на языке у нее уже вертелось резкое возражение, но она прикусила язык. Может быть, Кэл ей и друг (точнее, может стать другом), но прежде всего – клиент. А с клиентами ссориться нельзя.

– Вижу, ее измена поразила вас до глубины души, – осторожно заметила она. – Вы подозревали что-то подобное?

– Ни секунды! Я верил Шарлотте, как самому себе верю. А знаете, что меня сильнее всего проняло?

Кэл наклонился вперед, глаза его горели, он говорил глухим голосом, словно каждое слово давалось ему с трудом.

– То, как она гордилась своей порядочностью! Как же – изменяла мужу с одним-единственным мужчиной, причем по любви. Почти что верная жена! Не то что другие, которые спят с кем попало... В конце концов она набралась храбрости и все мне честно рассказала. А мне ее честность вот здесь... – И он провел ладонью по горлу.

Мередит подалась вперед и положила руку на его напряженно сжатый кулак.

– Кэл, – негромко заговорила она, – я понимаю вашу обиду. Но прошло восемь лет. Не пора ли все забыть?

– Забыть? Надеюсь, вы не думаете, что я ночами не сплю, мечтая о мести? – усмехнулся Кэл. – Я давно все забыл. Но только глупец совершает одну и ту же ошибку дважды. Нет, я не стану класть голову на плаху! Ни одной хищнице не удастся больше поживиться моим сердцем. В самой счастливой супружеской жизни есть что-то от гладиаторских игр, а я пока не жажду оказаться в пасти льва.

Мередит опустила глаза. Слова Кэла жестоки и несправедливы, но его трудно винить. Предательство Шарлотты оставило в его душе незаживающую рану. Может быть, самое лучшее сейчас – сменить тему.

– Сколько лет вашим детям?

Кэл вмиг преобразился. Нетрудно было догадаться, что он обожает своих детей.

– Мэри Эллен – четырнадцать, самый трудный возраст! Еще год назад мое слово было для нее законом, а теперь она спорит со мной по любому поводу, уверяет, что я отстал от жизни и стремительно впадаю в маразм. Джули двенадцать, и я для нее еще «любимый папочка», но, боюсь, такая идиллия недолго продлится. А Эндрю всего девять, и он, слава богу, меня обожает. Надеюсь как-нибудь вас с ними познакомить... Мерри.

Он назвал ее тем же уменьшительным именем, каким всегда называл Стив. Но Мередит и не думала возражать: ей это даже понравилось. Это создавало между ними какую-то особую атмосферу доверия и интимности.

– Я хотела бы их увидеть. Судя по вашим словам, они симпатичные ребята.

Она невольно задумалась о том, каково этим ребятам без матери – особенно девочкам в трудном подростковом возрасте... Должно быть, очень тяжело. Да и Кэлу не легче.

До сих пор Мередит видела в Кэле лишь удачливого бизнесмена; сегодня он открылся ей с неожиданной стороны. Перед ней предстал человек, переживший тяжелое разочарование, человек уязвленный и страдающий. Деликатность мешала ей поинтересоваться, есть ли у него любимая женщина или он из тех разочарованных мужчин, что довольствуются случайными подругами на одну ночь и зачеркивают женщину, едва она пытается подойти слишком близко. Да, скорее всего так и есть. Предательство жены научило его не доверять женщинам и избегать прочных связей. Он многое теряет – но, в конце концов, это его выбор...

Размышления ее прервало неожиданное замечание Кэла, странным образом перекликающееся с ее мыслями.

– Не думаю, что вы поступаете правильно, отказываясь от возможности иметь детей. Лишаете себя уникального опыта.

– На ребенка у меня нет времени. Я слишком занята и не хочу, едва оправившись после родов, бросать ребенка на попечение няни и бежать на работу. Малышу нужна хорошая мать, которая всегда рядом, всегда заботится о нем, а я... боюсь, преданной матери из меня не получится. Работа для меня всегда будет стоять на первом месте.

– Мередит, а вы сами верите в то, что говорите? – спросил вдруг Кэл, взглянув на нее странным взглядом.

– Что?!

– Простите, – смущенно пробормотал Кэллен, словно опомнившись. – Мне не следовало... нет, ничего.

– Нет уж, продолжайте, раз начали!

– Конечно, я лезу не в свое дело, но, как говорится, откровенность за откровенность. Мне просто пришло в голову: может быть, это отговорка? Ведь существуют самые неожиданные ситуации. Увы, мой печальный опыт обогатил меня и многими знаниями. Люди ищут объяснения своим решениям и поступкам, а на самом деле они лежат совершенно в иной области. А что, если вы не хотите иметь ребенка от мужа, потому что подсознательно чувствуете, что ваша с ним связь не так уж прочна?

Мередит изумленно смотрела на Кэллена, а потом энергично затрясла головой.

– Что значит «не так прочна»? Да куда уж прочнее! Мы со Стивом ни разу не поссорились – это за четырнадцать-то лет! Нет-нет, все дело в моей работе – и только.

– Вот так же отвечала и Шарлотта, когда я впервые заговорил о детях, – вздохнул Кэллен. – И, должно быть, искренне верила в то, что говорит. Но она обманывала и себя, и меня. Правда в том, что она не любила меня и не доверяла мне, поэтому и не хотела от меня ребенка. Может быть, и вы, Мередит, не доверяете своему доктору? Или своим собственным чувствам к нему?

Мередит совсем растерялась. Это неожиданное обвинение казалось настолько смехотворным, что она даже не нашла, что ответить.

– Господь с вами, Кэл, о чем вы говорите! Мы со Стивом любим друг друга так, как только могут любить муж и жена! На свете встречаются женщины, лишённые материнского инстинкта, – наверно, и я из таких. Хорошая мать из меня не выйдет, но, уверяю вас, это не имеет никакого отношения к Стиву и к нашей семейной жизни!

– И все же, Мередит, мне кажется, что вы не вполне честны с собой. Любящая женщина всегда хочет иметь детей от любимого – разве не так?

Растерянность Мередит сменилась злостью. Почему, черт возьми, она должна перед ним оправдываться и что-то ему доказывать?

– Вы несете чушь и сами прекрасно это понимаете! По-вашему, все любящие женщины мечтают о бессонных ночах и грязных пеленках? Вот уж не ожидала от вас такого мужского шовинизма! Знаете что, будем считать, что вы неудачно пошутили, и забудем об этом разговоре!

– Простите, Мередит. Мне не следовало начинать этот разговор. Это ваша проблема, и вам лучше знать, как ее решать. И все же подумайте о моих словах. Подумайте и попробуйте честно ответить самой себе, почему вы не хотите иметь детей.

– Да потому, – с жаром ответила Мередит, – что вот уже двенадцать лет я занимаюсь тем, что мне нравится больше всего на свете, и не собираюсь бросать это занятие ради чего бы то ни было другого! А работать и воспитывать детей одновременно у меня не получится.

– Неправда. Все получится – стоит только захотеть. Поймите, Мередит, работа, даже самая любимая, не может заменить ребенка. Клиенты приходят и уходят, а ребенок остается навсегда. Подумайте об этом.

Взглянув на Мередит, Кэллен понял, что она готова взорваться, и заговорил о другом.

Следующие два часа они говорили только о работе. Кэл был, как всегда, остроумен, вежлив и предупредителен, и к концу ужина Мередит почти забыла о его странной выходке. Но неприятный осадок, как оказалось, остался.

Вернувшись к себе в номер, она снова задумалась о неожиданной выходке Кэла. Надо же такое сказать – она, видите ли, недостаточно любит Стива! Что Кэл себе позволяет!

Она не хочет иметь детей, потому что... потому что боится совершить непоправимую ошибку. Работа отнимает у нее все время и силы: чтобы заниматься ребенком, ей придется уволиться и несколько лет сидеть дома, а это означает крах карьеры. Даже Стив это понимает – почему же не понимает Кэллен?

Да, он со своими тремя детьми справляется, но это не значит, что того же можно требовать от каждого. У него перед глазами живой пример – его жена. Она не хотела иметь детей – должно быть, догадывалась, что не способна на материнские чувства, – но Кэл не пожалел трудов, чтобы ее уломать. Чем это кончилось, он сегодня рассказал. Интересно, сам-то понимает, что в этой грустной истории есть и его вина?

Нет, никогда в жизни Мередит не поступит, как Шарлотта Доу! Что может быть хуже этого – родить ребенка и бросить, оставить без матери, нанеся ни в чем не повинному созданию глубокую душевную рану?

Кэл ошибается; собственный опыт играет с ним дурную шутку. Из-за предательства жены он теперь во всех женщинах видит обманщиц и изменниц. Как убедить его, что он не прав?.. И, если уж на то пошло, почему Мередит так переживает из-за его слов? Почему мнение этого, в общем-то, чужого человека вдруг стало для нее так важно и она теперь лежит без сна из-за того, что он усомнился в ее искренности?

Больше часа проворочавшись в постели, Мередит решила встать и позвонить Стиву. Просто чтобы сказать, что соскучилась и любит его. Но медсестра, что взяла трубку, ответила, что доктор Уитмен пять минут назад был здесь, а вот сейчас куда-то вышел. Мередит сбросила свой номер ему на пейджер и попросила позвонить, как только он освободится.

Но время шло, а Стив не звонил.

«Все это ерунда, – думала она, постепенно погружаясь в дремоту. – Я же знаю, что люблю Стива! И он знает. Вот что главное. Какая нам разница, что думает об этом посторонний человек, который никогда не видел Стива и едва знаком со мной! А то, что я не хочу иметь детей... ну, не хочу, и что ж такого?.. У меня просто другие приоритеты... это неважно, и никого это не касается... Да и вообще, пошел он к черту, этот Кэл!»

Наконец Мередит заснула, но сон ее был беспокойен. Всю ночь она металась: то снилось ей, что Стив обвиняет ее в обмане, измене и еще бог знает в каких грехах; то ее окружала толпа детей – маленьких бесенят со злобными усмешками на уродливых рожицах; они прыгали вокруг нее, грозили ей кулачками и, кривляясь, вопили: «Ты не любишь нас, значит, не любишь и его!»

Глава 5

Первая презентация в Чикаго прошла как нельзя лучше. Кэллен произнес яркую убедительную речь, и даже Чарли Макинтош, вопреки их с Мередит опасениям, держался в рамках, не проявляя особого энтузиазма, но и не давая воли своим чувствам. Слушатели задавали разумные и деловые вопросы, а Кэллен объяснял им все, что они хотели услышать. То же повторилось и в Миннеаполисе.

В Лос-Анджелес Кэл и Мередит прилетели в самом боевом настроении. Успех акции превзошел ожидания: если так пойдет и дальше, говорила Мередит, дело кончится превышением номинальной стоимости акции – это означало, что Кэллен получит гораздо больше инвесторов, чем ему нужно, а значит, сможет с полным правом повысить цены на акции и получить прибыль, о которой даже не мечтал.

Совместное путешествие сблизило Кэла и Мередит: уже в Миннеаполисе они перешли на «ты». Кэллен держался безупречно, и Мередит уже почти простила ему тот неприятный разговор о любви и детях. Он сам был несчастлив в браке, думала она; ничего удивительного, что и о чужих отношениях он судит по своему опыту. С того дня словно по молчаливому соглашению ни один из них не упоминал более о своей личной жизни.

Дважды Мередит разговаривала со Стивом. Его рабочее расписание постепенно вошло в обычную колею.

В Лос-Анджелесе Мередит и Кэл провели четыре презентации, а в перерывах успели еще и побеседовать с несколькими инвесторами в частном порядке. На второй день после ужина они сели на самолет и в четверть одиннадцатого уже приземлились в Сан-Франциско. Шофер Кэллена встретил их в аэропорту: он должен был доставить Мередит в отель «Фейрмонт». Сам же Кэллен ехал домой, в Пало-Альто, чтобы уже к утренней презентации вернуться в город. Позади были три дня напряженной и плодотворной работы, и теперь он предвкушал отдых в семейном кругу.

– Ты не будешь скучать одна? – заботливо спросил он Мередит.

В последнее время они то и дело менялись ролями. Во время встреч и презентаций обо всем заботилась Мередит, но в дороге и в перерывах между официальными мероприятиями командование брал на себя Кэл.

– Не хочется бросать тебя здесь, в аэропорту, – добавил он.

– Я редко скучаю, – с улыбкой ответила она. – Поезжай домой, дети, наверно, тебя заждались. А я приму горячую ванну и наконец отдохну. Увидимся утром.

– Буду здесь в половине восьмого, – пообещал он.

Презентация была назначена на восемь. День предстоял насыщенный: деловой завтрак, деловой обед, две встречи с крупными инвесторами – представителями медицинских университетов, а затем ночной рейс в Нью-Йорк – домой, где Мередит ждал Стив.

– Мередит, а может быть, завтра почтишь мой дом своим присутствием? – неожиданно предложил Кэл.

Но Мередит не торопилась соглашаться. Пойти к Кэлу в гости – значит перевести отношения на более личный уровень, а этого ей не хотелось.

– Господи, Кэл! Ты еще не устал от меня? Не хочу мешать тебе общаться с детьми. Не беспокойся, я и одна найду чем заняться.

– Тебе тоже надо отдыхать, – не сдавался Кэл. – А ребятам ты понравишься, я уверен.

– Завтра решим, ладно? – уклонилась она от прямого ответа. – А теперь до свидания.

Когда Мередит вошла к себе в номер, телефон уже звонил. Это был Стив.

– Привет! Ты где пропадаешь? Я вычислил – ты уже десять минут назад должна была появиться в номере.

– Уточняла кое-что с Кэлом. В субботу утром прилечу. Ужасно соскучилась и устала.

– Я освобожусь завтра вечером. Когда ты приедешь, скорее всего буду спать. Прыгай ко мне в постель – я мигом проснусь!

– Самое приятное предложение за всю неделю! – улыбнулась Мередит, счастливая уже оттого, что слышит его голос.

О том неприятном разговоре с Кэлом она старалась не думать. Надо же было ему такое сказать, что в глубине души она не любит Стива! Конечно, Кэл умен и знает свое дело, но в том, что касается человеческого сердца, он – скептик или, хуже того, циник. К тому же, как видно, обо всех женщинах судит по своей неверной жене.

– Надеюсь, кроме меня, никто не приглашал тебя в постель? Кстати, как там этот Доу, не пристаёт к тебе?

– Господи, Стив! Что за глупости ты говоришь! У нас чисто деловые отношения.

– И как дела?

– Отлично! Не могу дождаться, когда мы окажемся в Нью-Йорке. В понедельник у нас намечен Бостон. Я вылетаю ночным рейсом в воскресенье, так что у нас с тобой целых два дня впереди!

– Ах, черт! Этого я и боялся. В воскресенье я замещаю Лукаса.

– Значит, остается суббота.

– Господи боже! Можно подумать, я женат на стюардессе! Хотя нет, стюардессы не заставляют мужей накрывать на стол.

– Хочешь, я захвачу с собой пару бутылочек текилы?

– Главное, себя захвати! Ты не представляешь, как мне тебя не хватает!

Поговорив еще несколько минут, они распрощались. С полчаса Мередит нежилась в горячей ванне, а затем с книгой в руках легла в постель. Но почитать ей не пришлось: позвонил Кэл.

– Даже странно, что приходится звонить тебе по междугородному, – заметил он. – Я привык, что ты все время где-то рядом.

– Боюсь, к концу следующей недели не будешь знать, куда от меня деваться. Может быть, уже в Нью-Йорке видеть меня не сможешь. Кстати, в Нью-Йорке нас ждет большое сражение.

– Знаю и волнуюсь ужасно!

– Успокойся, Кэл. Все идет как нельзя лучше, результаты говорят сами за себя. А наше объявление будут читать, как справочник «Кто есть кто в инвестиционном бизнесе».

Мередит говорила об объявлении, которое будет опубликовано в «Уолл-стрит джорнэл» на следующий день после окончания кампании. Там будет объявлено о начале акционирования и перечислены все, кто, убежденный эффективной рекламой, подписал договор о намерении купить акции. Мередит была уверена, что список получится впечатляющий.

– Спасибо тебе, Мередит, – проникновенно произнес Кэл. – Не знаю, как бы я со всем этим справился, не будь тебя.

– Ну что за глупости! – решительно отрезала Мередит, и Кэл громко рассмеялся. Чем больше он узнавал эту женщину, тем больше восхищался ею – ее искренностью, непосредственностью, полным отсутствием тщеславия. – Скажи лучше, как твои ребята? Обрадовались, наверно, увидев наконец отца?

– Они уже спали, и я не стал их будить. Наша домоправительница отправляет их спать в десять – и правильно делает. Увижусь с ними завтра. Но сперва заеду к себе на работу. Составишь мне компанию?

– Согласна. По дороге в аэропорт, – твердо добавила Мередит.

Она по-прежнему считала, что дома у Кэллена ей делать нечего. Кэл не стал настаивать и пожелал ей спокойной ночи.

Ночью Мередит снился Стив, и она счастливо улыбалась во сне. Проснувшись она бодрая и отдохнувшая.

В половине восьмого Мередит встретила с Кэлом в холле отеля. Они прогулялись немного по Хантингтон-парку, а затем вернулись, чтобы выпить перед презентацией по чашке кофе. Утро выдалось прохладное: дул легкий ветерок, над городом клубился туман. После многодневного сидения в душных комнатах прохлады приятно освежала.

– Готов к следующему раунду? – спросила Мередит.

– Надеюсь. А ты? Еще не устала от «Доу-Тех»?

После ночи, проведенной в родном доме, Кэл выглядел помолодевшим; он буквально лучился энергией.

– Конечно, нет, – улыбнулась Мередит. Официантка поставила перед ней вторую чашку кофе. – Нам предстоит покорить еще множество миров!

Кэл и Мередит не сомневались, что в Сан-Франциско их ждет успех – ведь это родной город Кэла, и местные деловые круги хорошо знакомы с главой «Доу-Тех».

Обе презентации прошли отлично; единственным минусом можно было считать лишь неизбежных «резиновых» цыплят, поданных на обед. К половине третьего программа была завершена. Взглянув на часы, Кэллен сказал, что собирается ехать в офис, и пригласил с собой Мередит.

«Может быть, мне стоит вылететь пораньше?» – задумалась Мередит. Если она вылетит в пять, то в Нью-Йорке окажется в час ночи. Для Стива это будет приятный сюрприз.

Но, позвонив в аэропорт, Мередит узнала, что на этот рейс все билеты проданы. Придется лететь ночью, как она и собиралась с самого начала.

– Ничего, – бодро сказала Мередит, – отдохну в отеле перед вылетом.

Но Кэл был настойчив. Ему очень хотелось познакомить Мередит со своими сотрудниками. Он давно мечтает показать ей своих ребятшек. А если она не согласится, он сгребет ее в охапку и потащит силой.

– Но тебя целую неделю не было дома! Неужели тебе так хочется, чтобы под ногами путался посторонний человек? – протестовала Мередит.

– А мне нравится, когда ты путаешься под ногами. И потом, я жажду получить от тебя какой-нибудь дельный совет. Ведь за последний месяц ты узнала о «Доу-Тех» все, что знаю я! Верю, что твой свежий взгляд увидит то, что для меня неприметно.

Кэл гордился своей фирмой. Он так настаивал, что просто невозможно было отказаться!

И Мередит сдалась!

Она поднялась к себе в номер, чтобы взять сумки, а в половине четвертого они уже входили в офис Кэллена, расположенный в Пало-Альто. Сотрудники радостно приветствовали босса и, столпившись вокруг, азартно и шумно расспрашивали, как идет рекламная кампания.

– Пока что все отлично, – с широкой улыбкой отвечал Кэллен. А затем, повернувшись к Мередит, добавил: – И благодарить за это следует миссис Уитмен!

Чарли Макинтоша с ними не было: после обеда в «Фейрмонте» он отправился домой, заявив, что, мол, уже не тот, что прежде, и вся эта суeta его утомила. И Мередит была только рада его отсутствию. Как она ни старалась быть терпеливой и понимающей, постоянное ворчание Чарли действовало ей на нервы и портило удовольствие от работы.

Оставшись с Кэлом наедине, она заговорила о Макинтоше, и Кэл ответил, что чувствует то же самое.

– Ума не приложу, что мне делать, Мерри. Я устал от этого постоянного противостояния. Чарльз против акционирования, он по-прежнему уверен, что я совершаю непоправимую ошибку. Наша нынешняя работа ему отвратительна, болтовня аналитиков противна,

крючкотворы из комиссии наводят на него тоску, а наших будущих акционеров он просто видеть не может! Я бился с ним и так, и этак, объяснял, какую гору денег мы все на этом заработаем, – бесполезно!

– Давай я с ним поговорю, – предложила Мередит. – Может быть, мне удастся если не убедить, то хотя бы немного смягчить нашего ворчуна.

– Не самая удачная мысль, – покачал головой Кэл.

Он давно уже заметил, что Макинтош за что-то невзлюбил Мередит. Пока что Чарли не выходил за рамки приличий, но Кэллен не раз замечал, какие ядовитые взгляды бросает на Мередит его финансовый директор.

– Вот что: подождем немного. Он же разумный человек, со временем он успокоится и поймет, что наш проект ничем не грозит компании. Понимаешь, я знаю Чарли с детства. Он – старый друг моего отца, и мне не хочется на него давить. Тем более я всегда ценил его как отличного профессионала.

– Смотри, Кэл, – заметила Мередит, – пока будем выжидать, как бы он не распугал нам всех инвесторов.

– Бедняга Чарли! – грустно покачал головой Кэллен. – Порой я его просто убить готов, а иной раз, как задумаюсь, становится его очень жаль. Он сильно сдал за последнее время. Лет десять назад ему равных не было! Хорошо помню, как он меня, неопытного юнца, учил всяким финансовым премудростям. А теперь Чарли стареет и теряет хватку. Уже не воспринимает нового, не поспевает за бегом времени. А врожденное упорство, которому он обязан столькими своими успехами, теперь мешает ему признать, что пора отойти в сторону и дать дорогу молодым.

Мередит не сводила с него пристального взгляда.

– Я понимаю твои чувства, Кэл, – заговорила она мягко, – но не понимаю, почему ты позволяешь им одержать верх над разумом. Нельзя же держать на таком важном посту человека, который уже не отвечает сегодняшним требованиям! Чарли тормозит развитие компании, его упрямство может принести серьезный вред. Я не говорю, что ты должен его уволить, но подумать об этом ты обязан.

– Нет, Мередит, ты не понимаешь! – резко ответил Кэл. – Я не могу заговорить с ним об уходе на пенсию, потому что... да потому, черт возьми, что пройдет десять-пятнадцать лет, и я стану таким же! В каком-то смысле это и моя собственная проблема.

«Нет, таким ты никогда не станешь!» – хотела ответить Мередит, но что-то сжало ей горло. В голосе Кэла звучала настоящая боль. Мередит редко задумывалась о его возрасте – подтянутый, бодрый, энергичный, Кэл казался ей ровесником. Но вот теперь он напомнил ей о том, что жизнь его перевалила за половину и лучшие годы остались позади. Неудивительно, что судьбу Чарли он принимает так близко к сердцу!

Напрасно, как видно, Мередит осуждала Кэла в душевной черствости. Нет, жизнь не смогла изменить Кэла – его щедрое сердце было по-прежнему способно на глубокие и сильные чувства. Шарлотта разрушила его веру в любовь, но в душе его остались неистраченные запасы тепла и доброты.

Мередит поспешила сменить тему – начала расспрашивать Кэла о работе фирмы. И он принял эту игру.

Разговор был интересный, и вскоре оба увлеклись. Кэл горячо объяснял Мередит многие особенности деятельности фирмы, с заметной гордостью говорил о своей команде, о новых разработках. Снова и снова Мередит отдавала должное гибкому и творческому уму Кэла, его неумейной энергии и интуиции. Теперь она хорошо понимала, почему Кэл смог добиться успеха.

Около половины шестого он вдруг задал ей странный вопрос:

– Скажи, Мередит, ты никогда не думала о том, чтобы сменить работу? В солидной компании ты была бы оценена по достоинству. Я сам мог бы предложить тебе весьма выгодные условия.

– Я всем довольна, – улыбнулась Мередит.

– Неужели не хочется большего? – с сомнением спросил Кэллен. – Вот что, Мерри: если вдруг надумаешь уйти из своей фирмы, позвони мне. Буду ждать.

– Спасибо, Кэл, я очень польщена, но пока что уходить не собираюсь.

Такая мысль не приходила ей в голову. Куда она уйдет? Менять работу, может быть, даже переезжать... нет, это не для нее и не для Стива. В Нью-Йорке прошла вся их жизнь, слишком многое для них связано с этим городом.

– А все же подумай, – продолжал Кэллен. – Да, ты стала партнером в фирме, но сможешь ли подняться выше? Над тобой – несколько руководителей, солидных, уважаемых в деловых кругах людей. Ты прекрасно знаешь, они никогда не допустят в свой круг женщину. Они не дадут тебе расти. Ты неминуемо упруешься в прозрачный потолок, невидимый, но прочный.

– Времена меняются, – попробовала протестовать Мередит. – Может быть, изменятся и нравы Уолл-стрит. – Но в душе она была согласна с Кэлом. Именно так и обстояли дела.

– Твое начальство оценило твою продуктивную работу, они признали твои достоинства и готовы поручать тебе тяжелую и сложную работу. Но на встречи с клиентами тебя всегда будет сопровождать какой-нибудь Пол Блэк. И вся слава будет доставаться ему, а не тебе.

Кэл словно читал ее мысли. Но признаваться в этом она не хотела.

– Хорошо, мистер Доу, – улыбнулась она. – Чего же вы от меня хотите? Чтобы я высказала все это им в лицо и гордо ушла? То-то они обрадуются!

– Нет, Мередит. Просто хочу, чтобы ты подумала об этом на досуге. Поверь, у меня было время оценить тебя. Ведь мы с тобой отлично сработались! У нас очень много общего в самом подходе к делу. Понимаешь, мне не хочется тебя терять, ведь не так часто встречаешь человека, в котором чувствуешь родственную душу.

– Ну, пока что ты ничего не потерял, верно?

– Конечно, нет! Наоборот, приобрел. Даже подумать не могу – как я стану обходиться без тебя? Наверно, буду звонить тебе каждый день и спрашивать совета по любому поводу.

Мередит звонко рассмеялась в ответ.

– Говорю тебе, к концу тура ты не будешь знать, куда от меня деваться! Но, если захочешь – звони, конечно. Рада буду помочь тебе советом, – добавила Мередит искренне.

– А твоя секретарша мне ответит, что ты уехала в очередное турне с каким-то новичком, который дрожит, хнычет и цепляется за тебя, как всего несколько дней назад делал я.

– Не припомню, чтобы ты хныкал, Кэл! Нет, сразу после возвращения я никуда не поеду. Нам со Стивом надо побыть вместе. Ведь мы уже несколько месяцев почти не видим друг друга.

– Не понимаю, как ты выдерживаешь такую жизнь! – искренне изумился Кэл. – Может быть, поэтому вы со Стивом уже четырнадцать лет вместе? Вы редко видитесь, и у вас не было времени друг другу надоесть. – «Хотя... мы с Шарлоттой тоже нечасто виделись, но нам это не помогло», – грустно добавил он про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.